

Тайна печатей

Анхель де Куатьэ

"Убить шамана"

шестая печать

книга шестая

Жизнь и смерть глядятся друг в друга. Умершие встали против живых! Вы ждали чуда? Берегитесь...

Шестая Печать — дорога к смерти:

«И говорят горам и камням: падите на нас и сокroyте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца; ибо пришел великий день гнева Его, и кто сможет устоять?»

Как прожить жизнь, не уничтожив себя? Это предстоит узнать Анхелю де Куатьэ, спустившемуся в Ад своих искушений. Он жил не «своим умом». Он должен был остановиться и не сделал этого. Он изменил дружбе, любви и... самому себе.

«Убить шамана» — такой высокой ноты искренности и трагизма, такой остроты чувства и обращенности к читателю еще не было.

Готовы ли мы потерять без всякой надежды на обретение?.. Мы обретаем, лишь не желая приобрести.

Оглавление:

[От издателя](#)

[Предисловие](#)

[Пролог](#)

[Часть первая](#)

[Часть вторая](#)

[Часть третья](#)

[Эпилог](#)

От издателя

Семь Скрижалей, пять Печатей... Теперь — шестая. Кажется, автор уже и не способен удивить нас. Но он ведь и не хочет нас удивлять. И, видимо, именно поэтому мы снова и снова переживаем потрясение, читая каждую его новую книгу.

«Убить шамана» — произведение завораживающее, гипнотизирующее, вводящее в транс. Это страшная экскурсия в безумие, путешествие в ад сумасшествия, какого литература еще не знала.

Книги о безумии, разумеется, были, равно как и авторы, страдавшие душевными заболеваниями. Все было. Но такой высокой ноты искренности, трагизма, такой остроты чувства и обращенности к читателю — нет.

«Убить шамана» — книга об экзистенциальном кризисе. Не случайно в Прологе автор вспоминает основателя экзистенциализма — Серена Кьеркегора, человека, выбравшего духовный поиск своей целью, отправившегося в путь и — не выдержавшего испытаний.

Экзистенциальный кризис — это переломный этап, без него невозможно, немислимо никакое развитие. И странно ли, что человек, осуществляющий духовные поиски, в какой-то момент оказывается на гребне пронзительного страдания и одиночества?

Нет. Не странно. Но как пережить эту боль? Не ожесточиться и не наломать дров? Здесь, в этой точке, — момент истины, момент переосмысления всего, всей своей жизни, всех поступков, а главное — самой цели своего существования.

И вот главный вопрос: понимаем ли мы с вами, что больны целью? Да, каждый из нас?.. Мы не живем «своим умом», не принадлежим самим себе, боимся оказаться «такими, как все», не видим в себе Другого. И все мы ждем чуда... Даже те, кто в него не верит.

Все это симптомы «болезни целью». Она — великая и величественная, часто неосознанная — манит, притягивает и... лишает нас жизни. Жизни — подлинной, настоящей. Она туманит взор, обещая будущее счастье, обретения и победу. Но это ее блеф.

И мы сами того не замечаем, как на пути к своей цели теряем истинную веру, подлинное доверие, настоящую любовь и искреннюю дружбу. И не видим, что все это на самом деле не *теряется*, — мы сами приносим в жертву самое важное, ценное, дорогое...

И автор предупреждает нас: в цели есть парадокс — когда ты знаешь «как», ты дальше от цели, чем можешь себе представить. Боюсь, немногие отдают себе в этом отчет, но после прочтения его новой книги это начинаешь отчетливо понимать.

Счастье открывает нам свои двери, когда мы готовы потерять — без всякой надежды на обретение. Тогда мы обретаем, не ожидая что-либо приобрести. Таков внутренний смысл этой загадочной и потрясающей книги Анхеля де Куатьэ о шестой Печати.

Если бы автор хотел удивить нас, то у него, наверное, ничего бы не вышло. Но он не хочет. Он лишь с предельной открытостью позволяет нам соучаствовать его духовным поискам. И этого довольно. В этом его великий дар нам — от сердца к сердцу.

Издатель

Предисловие

Андрей рассказывал нам об исследованиях феномена одиночества. Психологи проводили специальные эксперименты, изучая эту «проблему», и пришли к парадоксальным результатам. Человек — социальное существо, общение ему необходимо, иначе он сходит с ума. Но отсутствие одиночества — тоже проблема. Если человек длительное время не может оставаться в одиночестве, он тоже погружается в безумие.

В отсутствие других людей, чтобы заполнить возникший вакуум, человек начинает искать себе хотя бы мнимого собеседника, и в его сознании происходит классическое раздвоение личности. Он начинает общаться сам с собой, говорит с предметами и животными, словно бы те могут ему ответить. А потом в какой-то момент вдруг начинает *видеть* своего «собеседника». Галлюцинации — явный признак раздвоения личности.

С другой стороны, все мы время от времени нуждаемся в одиночестве. Но парадокс... В отсутствие одиночества с человеком происходит примерно то же самое. Допустим, он заперт где-нибудь с некой компанией, может быть даже в компании друзей, с близкими людьми. И все вроде бы нормально, но вдруг человек начинает испытывать ненависть к окружающим. Странно, необъяснимо, но факт. Ненависть.

Она приходит к человеку, лишенному одиночества, подспудно, незаметно, прокрадывается в его душу через тонкие щелки, едва заметные зазоры и трещинки. Поселяется в нем инкогнито, как болезнетворная, смертоносная бактерия в еще живом и здоровом организме. Дальше она растет, множится и в один прекрасный день выходит наружу. Нет, даже не выходит, а выплескивается, изливается подобно огненной лаве...

Раздражает все. Даже то, что ты любил в человеке прежде, теперь кажется тебе мерзким и отвратительным. И то, как он смеется и о чем говорит, как двигается и как жует. Абсолютно все! Неимоверная, изнуряющая пытка. Хочется вскочить и набить ему морду. И не за что-то конкретное, а просто — за свои муки, за свое «ангельское терпение», за необходимость быть с ним, слушать его и принимать в расчет его чувства.

Ты постепенно начинаешь понимать, зачем он произносит то или иное слово, видишь, что стоит за каждой его случайно брошенной фразой, жестом, мускульным сокращением на лице. Все это не просто так. Он тебе лжет. Лжет постоянно, изо дня в день. Рассказывая о своем уважении к тебе, о признании твоих достоинств, о своей искренности и радости — он лжет. Лицемерие. В каждом слове, в каждой букве.

И в какой-то момент — как вспышка — ты вдруг осознаешь, что это было всегда — эта ложь, этот обман, эта двуличность твоего «друга». Все это *было*, а ты просто не замечал этого.

Ты доверял, любил, верил... А теперь понимаешь — все ложь, от начала и до конца. Ты был искренним, открытым, любящим, а тебя держали за наивного дурака, высокомерно прощая тебе всю твою «природную глупость».

И ты сам начинаешь лгать... Ты уже способен читать его мысли, понимаешь, как он к тебе относится — пренебрежительно, высокомерно. Ты видишь истинные причины его поступков. Видишь, и тебя бросает в дрожь. Пусть даже это плод больного воображения... Но ты кожей ощущаешь отвращение! Это состояние «неодиночества» — как воспаление, как гнойный нарыв, как источник не стихающей внутренней боли.

Люди способны убить друг друга, если слишком долго не могут побыть в одиночестве.

«Человек не может быть один, и он нуждается в одиночестве, — сказал Андрей, подводя итог своему рассказу об этих антигуманных научных экспериментах. Помолчал и добавил: — Знаете, как у Шопенгауэра... Закон дикобразов: "Когда люди вступают в тесное общение между собой, то их поведение напоминает поведение дикобразов, пытающихся согреться в холодную зимнюю ночь. Им холодно, и они прижимаются друг к другу, но чем сильнее они это делают, тем больнее они колют друг друга своими длинными иглами. Вынужденные из-за боли уколов разойтись, они вновь сближаются из-за холода, и так — все ночи напролет". Все ночи напролет...»

«Глупость, — подумал я. — Как еще он не устал петь дифирамбы этой своей психологии? Сколько можно?! Мы вот уже год сидим в центре Гаптена... И ничего. Никаких дикобразов!»

— А к чему ты это рассказывал? — спросил я вслух, едва сдерживая подкатывающее к горлу раздражение. — Намекаешь на что-нибудь?.. На меня, может быть?

Андрей повернулся в мою сторону и искусно изобразил удивление. Хороший артист! Он сделал вид, что не понял моих слов, мол, о чем это ты, Анхель?.. Улыбнулся — кисло, как пойманный на краже мальчишка, зачем-то пожал плечами, мол, он ничего не понимает. И уже через секунду принял свое любимое сосредоточенно-надменное выражение лица — спокойное, непроницаемое, отвратительное.

Держит меня за душевнобольного. Понятно. И видимо, не меня одного. Рассказал нам об экспериментах «по групповой изоляции»... Словно непонятно, к чему он клонит. А мне понятно! Спасибо! Я для него — домашний сумасшедший. Верю в потусторонние силы и сновидения. Ему-то, конечно, только психоанализ сновидений подавай, а кто относится к ним по-другому — того в палату номер шесть.

Гаптен нервно забарабанил пальцами по столу. Дурная привычка. В последнее время меня это стало ужасно раздражать — зачем он это делает? Хочет показать, что переживает, болеет за общее дело? Да уж, он болеет... Конечно! Просто завидует. Он столько лет потратил на свои духовные искания, а тут на тебе — учитель умер, и все. И теперь он превратился в ассистента Данилы. Конечно, удар по самолюбию...

Данила в своем обычном забытии — что-то себе думает, думает. Путешествие в параллельных сновидениях сказалось на нем не лучшим образом. Раньше он скептически относился к моим рассказам о сновидениях, а теперь понял, что это вовсе не какие-то там фантазии его полоумного приятеля, а истинная реальность! Понял и разозлился. Догадываюсь, что неприятно чувствовать себя проигравшим «исполнителю роли второго плана».

— Беспокоит меня шестая Печать, — пробормотал Гаптен. — В тексте Апокалипсиса одни образы. Понятно только, что речь идет об убийстве: «И цари земные и вельможи, и богатые и тысяченачальники и сильные, и всякий раб и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор и говорят горам и камням: падите на нас и сокруйте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца; ибо пришел великий день гнева Его, и кто сможет устоять?»

— Точнее, о самоубийстве, — уточнил Андрей. — Люди сами просят, чтобы горы и камни пали на них. Предельное отчаяние. Они потеряли смысл жизни, во всем разочаровались и сами ищут смерти. Так что это не убийство, а самоубийство... Ни у кого из присутствующих суицидальные мысли пока не появляются?

Шутник.

— Нет, — зло ухмыльнулся я. — Скорее наоборот.

Черт, зачем я это сказал?! Теперь Андрей снова уставился на меня своим «проницательным взором», изучает меня как подопытное животное.

— Анхель, у тебя были какие-то видения? — спросил он.

У меня все похолодело внутри. Откуда он знает?! Чем я мог себя выдать?! Видения... Нет, у меня не было видений. Не было! Главное — не подать вида!

— Нет! А с чего ты взял? — спросил я, с трудом унимая прорывающуюся дрожь в голосе.

— Ну, как-то же мы должны узнать о том, что нам предстоит? — улыбнулся Андрей.

Как мне уже надоели эти его вечные улыбочки!

— Что значит — «нам»? — процедил я сквозь зубы. — Данила у нас *избранник*, у него и спрашивай.

Данила, услышав свое имя, вышел из своей глубокой задумчивости и огляделся по сторонам. Да что с ним происходит?! Как в воду опущенный! Такая напряженная ситуация! Нам столько всего предстоит! А он — словно зомби! Я остался один. Совсем один...

Андрей продолжал смотреть на меня, изучая словно под микроскопом.

— Пойду гляну, что в центральном узле происходит, — сыгранным нейтральным голосом сказал он. — Гаптен, пойдем?

— Да, пойдем, — торопливо сказал Гаптен, не сводя с меня глаз. — Надо посмотреть...

Андрей с Гаптенем скрылись за дверью.

Шушукаться пошли! Зачем мы с ними связались?! Кто они вообще такие?! Что они о себе возомнили?!

Данила встал, прошелся по комнате и лег на диван.

— Анхель, — тихо сказал он, глядя в потолок, — а ты и вправду думаешь, что я избранник?

— В каком смысле?

— Тебе не кажется, что мы все... Как бы это сказать?.. — Данила запнулся, пытаясь подобрать нужное слово. — Что нет какой-то общей цели, какой-то задачи, миссии общей. А просто каждый из нас проходит свои испытания. Свои, личные. Мы ведь разные, а поэтому и испытание у каждого свое...

Зачем он это говорит?.. Что значит — «нет общей цели»?.. И эти постоянные — «я избранник» или «я не избранник»... Он что, все цену себе набивает? Но сколько можно?! Или он так намекает, что я к его поискам не имею никакого отношения? Отделаться от меня хочет?!

— Данила, ты избранник, — проскрежетал я. — Я в этом совершенно уверен. Может быть, кто-то и сомневается, но я — нет.

Через силу выговорив это, я быстро встал и пулей вылетел из комнаты. Еще мгновение — и не знаю, что могло бы произойти. Я бы, наверное, сказал что-то, что непременно выдало бы меня. Но я не могу! Не имею права! Не должен!

Оказавшись в своей комнате, я забился в самый дальний угол — сел на пол, сжал в руках фамильный браслет. Драгоценные камни тускло играли в лучах искусственного света.

— Отец, поговори со мной... — прошептал я. — Мне так плохо! Мне так плохо!.. Неужели все это было ложью и неправдой? Папа, ответь мне. Ответь!

— Да, все неправда, Анхель, — услышал я голос отца. — Да. Все неправда.

— Папа, я должен тебя спасти?

— Да. Я расскажу тебе правду. Да. Ты все узнаешь. Да. Ты избранник, Анхель. Да. Мой сын. Да. Иди к своей цели, сын. Ты должен. Да. Ты сможешь. Да. У тебя есть то, что нужно...

*«И когда Он снял шестую печать,
я взглянул, и вот произошло великое
землетрясение, и солнце стало мрачно
как власяница, и луна сделалась как кровь;
И звезды небесные пали на землю,
как смоковница, потрясаемая сильным
ветром, роняет незрелые смоковы свои;*

*И небо скрылось, свившись как свиток;
и всякая гора и остров двинулись с мест своих;
И цари земные и вельможи, и богатые
и тысяченачальники и сильные, и всякий раб
и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор
И говорят горам и камням: падите на нас
и сокройте нас от лица Сидящего
на престоле и от гнева Агнца;
Ибо пришел великий день гнева Его,
и кто сможет устоять?»
Откровение святого
Иоанна Богослова,
6:12-17*

Пролог

Представьте, что вы знаете дату своей смерти. Вы не знаете, от чего именно вы умрете — болезнь, убийство, несчастный случай, то есть причину своей смерти, но — вы знаете, когда это случится и почему. Вы знаете, что вы умрете очень скоро, молодым, потому что вы виноваты... Может быть, понимая это, вы станете философом?

Его имя — Серен Кьеркегор. Он вошел в историю как основатель философии экзистенциализма. Именно в его работах впервые центральной фигурой анализа стал не окружающий нас мир и не методы познания, а человек и его чувства... Чувство неизбывной тоски и ледящего ужаса перед безмолвствующим Абсолютом.

Когда Сёрену исполнилось двадцать три года, он узнал, что умрет в ближайшие десять лет. Умрет, потому что над его родом висит страшное проклятье.

У него была прекрасная семья — любящие родители, старшие братья и сестры — красивые, талантливые, чуткие, отзывчивые. Дело происходило в Дании, но если его ровесник и хороший знакомый, Ганс Христиан Андерсен, долгое время влачил нищенское существование, то семья Серена была богата.

Сёрен получил прекрасное воспитание и образование. У него были планы на будущее, надежды. Он был умен, пользовался уважением друзей и счастливо предавался занятиям богатого, не обремененного заботами повесы. В свое удовольствие писал книги и издавал их под странными псевдонимами — один чуднее другого.

Впрочем, эта история началась чуть раньше... Отец Серена — Мехаэль Педерсен Кьеркегор — родился бедняком и пас овец где-то на краю земли. Но случай изменил все. Он принялся торговать чулками и на старости лет стал одним из богатейших людей Копенгагена, владел торговым делом, домами, кораблями, ценными бумагами.

Все это неслыханное везение пришло в его жизнь неспроста... Когда в свои десять лет отец Серена пас овец на ютландских пастбищах, он чувствовал себя бесконечно несчастным и одиноким. Юный Мехаэль страдал от голода, укусов мошкары, холода и палящего зноя. Покинутый и никому не нужный. Несчастнейший из людей.

И вот в какой-то особенный момент, в приступе отчаяния, Мехаэль поднялся на камень, лежавший посреди луга, воздел свой взор к небу и прокричал: «Боже! Если бы Ты был, разве бы Ты допустил, чтобы так страдал беспомощный, несчастный ребенок? Разве бы не пришел Ты к нему на помощь?! Нет, Тебя — нет, Господи! Я проклинаю тебя!»

И тогда Бог дал маленькому Мехаэлю все, о чем только можно мечтать, — успех, богатство, большую семью — жену, семерых детей. Страшный день, когда Мехаэль проклял Бога, уже стал стираться из памяти благородного отца семейства. Но внезапно его дорогие и любимые люди стали умирать. Один за другим — дочь, сын, снова дочь, жена, сын, другой сын, дочь...

Проклятый Бог дал Мехаэлю все, о чем тот мечтал. Но не для того, чтобы заслужить прощение, он дал это Мехаэлю, чтобы отобрать. Чтобы проклявший Его бедный мальчик,

сделавшись стариком, каждый день ходил на кладбище, смотрел на могилы своих детей и слышал у себя за спиной: «Знай, Мехаэль, не Я, но ты убил тех, кого любишь!»

Пережить своих детей, похоронить всех семерых и каждого в отдельности — это ли не самое страшное из проклятий? Ни один из его детей не дожил до возраста Христа, до тридцати трех лет. Оставалось лишь двое — Серен и его старший брат, который, прознав о страшной тайне своего отца, стал священником и принялся истово служить Богу. А Серен...

Серен почувствовал, как страшная вина отца легла и на его плечи. У него не было сил бежать, он остался с отцом и ждал смерти. Он ждал своих тридцати трех лет. Ждал с ужасом и ощущением абсолютной безысходности: Бог не пощадил даже Своего Сына, предначертав Ему тридцать три года земной жизни, унижения и мученическую смерть.

Ирония судьбы — Мехаэль воспитывал своих детей в духе веры и христианского смирения. Все они, умершие из-за богоотступничества отца, были искренне религиозны, а Серен даже учился теософии в университете. Ирония... Иисус искупил грехи человечества перед Своим Отцом. Теперь Серен должен был искупить грехи отца перед Богом.

Но произошло то, чего Серен никак не ожидал, не мог даже представить, о чем панически боялся думать. Мехаэль Педерсен Кьеркегор, проклявший на ютландских пастбищах Бога, восьмидесятилетним стариком тихо и мирно скончался на руках Серена до истечения заветного срока. Он умер, а Серен остался. Остался жить...

Екклесиаст говорил, что, если Бог хочет покарать человека, он лишает его разума. Бог покарал отца Серена, но еще больше, с еще большей жестокостью Он покарал сына, который простил своего отца. Преступление перед Абсолютом не имеет срока давности, а отбывающему наказанию амнистия не предоставляется.

У Серена Кьеркегора есть небольшая книга, которая называется «Несчастнейший». Странная, очень странная книга... Понять ее, не зная истории автора, невозможно. Но и знание этой истории не делает ее понятнее. Ведь она не *летопись*, она — *пророчество*...

«Несчастнейший» начинается словами:

«Где-то в Англии должна быть, как известно, могила, замечательная не великолепным памятником или унылыми окрестностями, а лаконичной надписью — «Несчастнейший». Говорят, могила была вскрыта, но от трупы не было и следа».

В середине книги мы читаем:

«Кто этот бледный образ, бессильный, как призрак Смерти? Его имя забыто, много веков прошло после его дней. Он был юношей, был полон воодушевления. Он искал мученичества. В мыслях он видел себя пригвожденным к кресту и небеса отверстыми; но действительность была слишком тяжела для него, мечты исчезли, он отсекся от Господа своего и себя. Он хотел поднять мир, но надорвался под бременем; его душа не была раздавлена, не была уничтожена, она была разбита, его дух был надорван, а душа была искалечена».

И вот как заканчивается эта книга Кьеркегора:

«Прощай же, несчастнейший. Но что я говорю: несчастнейший, мне следовало бы сказать — счастливейший; ведь это же такой дар счастья, которого никто не может дать себе. Видишь, язык немеет и мысли путаются; ибо кто счастливейший, кроме несчастнейшего, и кто — несчастнейший, кроме несчастнейшего, и кто — несчастнейший, как не счастливейший, и что такое жизнь — как не безумие, и вера — как не сумасшествие, и надежда — как не отсрочка удара на плахе, и любовь — как не укус для раны?»

Он исчез, и мы снова стоим у этого пустого гроба. Пожелаем же ему мира, и отдыха, и исцеления, и всякого счастья, и скорой смерти, и вечного забвения, и никакого воспоминания, чтобы даже память о нем не сделала несчастным другого.

Ночь прошла, и день снова начинает свою неутомимую деятельность, по-видимому никогда не уставая вечно и вечно повторять самого себя».

Так на свет впервые появилась философская идея — «вечного возвращения», которую затем подхватит и разовьет в своих трудах Фридрих Ницше. Все повторяется. То, что было, то и будет. Нет выхода, есть лишь круговое движение — бесконечное, лишённое смысла, изматывающее. Это теория вечного возвращения...

Вселенная, состоящая из множества элементов, подобна колоде карт, которую можно тасовать бесконечно. Но, поскольку количество элементов неизменно, в какой-то момент их

прежние комбинации неизбежно повторяются. А значит, когда-то все случится точно так, как и было когда-то.

Вечное повторение, вечно вращающееся колесо сансары, вечное возвращение. Отбывание неслагаемого наказания. Ужас бессмертия.

Но гроб-то пуст... И никто в него не вернется. А значит, выход из этого замкнутого лабиринта все-таки есть — абсолютное отрицание, проклятие, брошенное в лицо Господу. Не несчастный, но несчастнейший обретает право на счастье.

Крайняя степень преступления обещает и высшую меру наказания, которая на деле не наказание, а избавление от бремени *вечности*. Чтобы оказаться за гранью, надо переступить грань. Искушение духовной смертью, ужас, открывающий дорогу к спасению.

И все же неужели же этот выход есть только у того, кто вместо восхваления Господа *Его проклял*?.. Возможно. Но не будем забывать, что в истории человечества был и еще один опустевший гроб — гроб Христа. Колесо «вечного возвращения» может разорваться и в другой точке?

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода». Искушение смертью... Так кто же прав? Где найти ответ? Где выход? И куда он ведет?..

Часть первая

*Я поднялся на борт самолета,
направляющегося в Мексику.
Настал момент, когда я должен
все понять и осмыслить.
Почему дед забрал меня у моих родителей?
Как на самом деле умер мой отец?
Может ли быть, что он не умер вовсе?
А если умер, то что это за голос
говорит со мной?
И почему он говорит именно то,
что я давно хотел услышать?
Он говорит страшные вещи...
Но я ни секунды не сомневаюсь — это правда.
Жестоко. Но это так...*

— Сок, чай, кофе? — осведомилась молоденькая стюардесса, продвигаясь мимо меня со своей тележкой по салону самолета.

— Нет, ничего, спасибо, — ответил я.

— Будете отдыхать? — кокетливо улыбнулась она. — Приятных сновидений...

Я молча отвернулся и уставился в иллюминатор.

Впервые я понял, что что-то не так, когда у меня началась бессонница. Со мной прежде никогда такого не случалось. Сны — самое главное, что у меня есть. И это истинная реальность. Сколько бы меня ни убеждали в обратном, это именно так. Там жизнь. Во сне мы соединяемся с силами Вселенной и ощущаем себя такими, каковы мы на самом деле. Но когда ты лишен сна — что это? Словно проклятие. Словно наказание.

Последние несколько суток я не просто не мог заснуть, я не спал вовсе. Часами как раненый зверь блуждал по своей комнате из угла в угол. И все думал, думал... Мысли словно трупные черви пожирали меня изнутри. Я думал о себе, о тех, с кем я волею судеб оказался связан, — о Даниле, Андрее, Гаптене. О той роли, которая предназначена мне во всем этом спектакле. Лично мне.

Да, я понял, что это спектакль, что каждый из нас просто разыгрывает свои роли — «точки сборки». У каждого своя жизнь и своя игра. И все вместе мы не движемся ни к какой

цели. Вместе мы идем в обратном направлении. Данила спасает людей от гибели. Гаптен выполняет миссию Светлых — помогать Избраннику. Для Андрея — это просто такая игра, он развлекается, присматриваясь к миру, глядя на него с другой точки.

Но разве возможно, чтобы этот мир изменился просто по воле людей? Да и откуда ей взяться — этой общей воле? Разве люди тянутся к Истине, к Свету, как считают мои «друзья»? Разве Скрижали и Печати что-нибудь для них значат? Нет. Может быть, людям приятно думать, что они соприкасаются с великим знанием, но разве они делают эти истины частью самих себя? Нет. Да и истины ли это?.. Тоже вопрос.

Мои «друзья» предлагают людям «работу над собой», а люди в большинстве своем совершенно не намерены трудиться. Нет, они ждут чуда. И они не ошибаются. Они ждут чуда, потому что чудо возможно. Нам кажется, что трудный путь — это путь правильный, потому что ничто хорошее не дается без усердной работы. Но это заблуждение. Дается. Нужно только захотеть и понять как. И все получится.

Мир — это не люди, это силы. Поняв это, ты можешь достичь всего, чего пожелаешь. Управлять людьми невозможно, ведь каждый настаивает на собственной индивидуальности, каждый считает, что к нему нужен «особенный подход», что его ситуация «уникальная». Но отвлекись от этой мысли, подумай о мире как о движении силы, разных сил... И тебе откроются невиданные возможности!

У меня появилась цель.

После первой бессонной ночи я не мог понять, что со мной произошло. Но уже на вторую ночь, к самому утру, со мной заговорил голос. Я перебирал звенья моего браслета и вдруг совершенно отчетливо услышал его в своей голове.

«Анхель, ты слышишь меня? Анхель, ты слышишь?» — спрашивал он, словно говорил это уже тысячный раз.

Я опешил. Голос казался мне незнакомым, но какое-то странное чувство подсказывало, что это голос моего покойного отца.

«Да, я слышу! Слышу!» — зашептал я.

«Ты должен вернуться домой. Да, — сказал голос. — Ты должен вернуться домой и узнать тайну моей смерти, Анхель».

«Твоей смерти?» — прошептал я.

«Моей смерти. Да, — ответил голос. — Ты Избранник, Анхель. Только ты. Да».

«Избранник?» — у меня внутри все похолодело.

«Да, — подтвердил голос. — Я умер, чтобы сохранить тебе жизнь. Да. Ты Избранник».

«Папа... Папа... — слезы покатались у меня из глаз. — Это ты?.. Как же это?..»

Я слышал голос своего отца. Впервые за много лет. Он говорил со мной. Говорил, как когда-то...

Мне вдруг представилось мое детство. Я вспомнил, как мой дед и моя мать аккуратно, исподволь, незаметно разлучали меня с отцом. Нет, нам позволялось видеться, но именно *дозволялось*. Это не было чем-то само собой разумеющимся — но всегда каким-то *событием*. Мать или дед всегда присутствовали рядом, где-то неподалеку. Словно бы мой отец мог как-то навредить мне. В детстве я не понимал этого, а потом привык. Даже не думал, что может быть как-то иначе.

С самых первых лет жизни в меня вдалбливали две вещи, два правила: во-первых, что я — навахо, во-вторых, что мой отец — «странный человек». И действительно, в поведении отца было много необычного, странного, даже несуразного. Он зачем-то покинул Францию, хотя у него были там хорошие перспективы. И коммунистические идеи там тогда разделяли многие. Зачем он поехал в бедную и отсталую Мексику? Почему стал циркачом?

Как так получилось, что он сошелся с моей матерью? Они ведь были совсем разными... Совершенно. Мать — замкнутая, строгая. Отец — мягкий, открытый, простодушный. Я вдруг понял, что никогда не видел, чтобы мои родители разговаривали друг с другом! У них не было ни общих тем, ни общих интересов. Кроме того, отец редко бывал дома. Объясняли это просто: он уехал со своим цирком. Но что, если эти «отъезды» были только предлогом, чтобы разлучить нас?..

— Ай-люлю, ай-люли! — слышалось откуда-то сбоку.

Я повернул голову. В кресле через проход сидел средних лет мужчина и качал на руках мальчика. Ребенок был еще совсем маленьким. Может быть, полутора или двух лет. Странно, что я не заметил их раньше — отца с сыном. Дети обычно привлекают к себе внимание, но я не помнил ни мальчика, ни его отца. А мы ведь прошли паспортный контроль, таможенно, вместе ехали в автобусе к самолету, поднимались на борт...

Мальчик тут же повернулся в мою сторону, словно ждал, что я на него посмотрю, и потянул ко мне руки.

— Анхель, хочешь к дяденьке? — спросил мужчина у своего ребенка.

Анхель?! Маленький Анхель?.. Совпадение. У меня затряслись руки и вспотели ладони.

Малыш забавно закивал головой, продолжая показывать в мою сторону.

— Я прошу прощения, — несколько смущенно сказал мужчина, — вы ему очень понравились. Можно, он посидит у вас на руках? Совсем чуть-чуть... Ладно?

Я нервно затряс головой, не то соглашаясь, не то возражая.

— Спасибо! — улыбнулся мужчина и передал мне мальчика.

Маленький Анхель, движимый любопытством, опасно расположился на моих коленях. Присмотрелся и, решив, видимо, что я не представляю для него серьезной угрозы, принялся меня с интересом изучать.

Смуглый, кареглазый, черные волосы вьются тонкими прядями. Он смотрел на меня — озорной, веселый, чуть смущенный — и как-то странно водил руками, словно бы раздвигал перед собой пласты некоей реальности, скрытой от глаз взрослого человека...

— Анхель, — сказал он, показывая на себя пальцем.

— Анхель, — еле слышно ответил я, показывая жестом на себя.

Глаза ребенка округлились. Он испуганно дернул рукой и заревел в голос.

— Господи! — закричал отец и подскочил в кресле. — Зачем вы его напугали?! Он же совсем маленький! Анхель, иди ко мне! Иди! Зачем вы это сделали?!

— Я... Я не... — я совершенно растерялся, не знал, что ответить. — Просто я тоже Анхель. Наверное, он не понял... Я не хотел его напугать.

— Но вы напугали! — раздраженно сказал отец ребенка, демонстративно отворачиваясь.

Из-за его плеча я увидел испуганные заплаканные глаза Анхеля, смотрящие на меня как на демона, восставшего из преисподней.

Это знак.

Я разговаривал с отцом несколько ночей подряд и наконец начал все понимать. Нет, не потому, что отец разъяснил мне (он говорит как-то странно и путано). Нет, это пришло само собой, словно озарение, как яркая вспышка света в кромешной тьме ночи. В одну секунду я вдруг понял все! Понял, какова моя роль, в чем состоит мое истинное предназначение. Понял, что за люди меня окружают, как жестоко я ошибался, доверяясь им прежде. Я понял все. Все, что происходит в этом мире, во Вселенной, в Духе.

Скрижали найдены. Миссия выполнена. Но мы четверо не знаем, как нам быть с этими сакральными знаниями. У нас есть ключ, но нет замка. Но если есть ключ, значит, где-то должен быть и замок. И теперь настало время его найти. Но как, если мои «друзья» привыкли рассуждать в философии — «черное-белое»? Они нашли Скрижали — «белое» и теперь ищут Печати — «черное». Что случится, когда они найдут их все?.. Ничего. Нет никаких Печатей. Просто им нужны препятствия... Они не верят в чудо и не видят его.

Поначалу мне было странно говорить с отцом через браслет. Но неловкость прошла быстро. Да и в том, что я говорю именно с отцом, у меня уже не было никаких сомнений. Он рассказывал мне о вещах, которые могли знать только мы двое — он и я. Но главное — он говорил именно то, что я хотел услышать. Поразительно редкое, щемящее чувство — тебя понимают. Не просто разделяют твою точку зрения, не просто находят ее правильной, а имеют *твою точку зрения*. Я чувствовал прилив счастья! Я был окрылен.

«Мир — это сосредоточие силы, — говорил отец. — Да. Она может быть использована во зло, но может быть использована и во благо. Да. Но у тебя есть ключ. Ты знаешь великую

священную тайну. Да. Ты сможешь найти дорогу к Свету для всего мира, для каждого человека. Да. Я подготовил тебе дорогу. Да. Теперь ты должен найти меня, и ты увидишь свой путь. Принеси свою тайну, Избранник! Ты мой сын, Анхель. Да. Я люблю тебя. Да. Ты сможешь. Я знаю. Ты придешь ко мне. Да. Ты сделаешь то, что должен».

Я продолжаю дело своего отца. Он хотел изменить мир. Он часто говорил мне об этом. Счастье возможно, если только все счастливы. Невозможно быть счастливым, если знаешь, что другие люди страдают, где-то от голода умирают дети, царит насилие и несправедливость, господствуют ложные ценности, которые застилают людям глаза и манят их миражами ложного счастья. Мир полон страданий. А несчастные люди лишены силы, и, как бы ни хотели, они не могут ничего изменить.

Когда мы только начинали наши поиски Скрижалей, я отчетливо понимал смысл того, что мы делаем: мы должны были найти тот путь, по которому человечество сможет вернуться к Источнику Света. Мы готовили мистическое таинство, чудо! Но постепенно это понимание как-то потускнело, ушло на второй план. На пути к цели мы ее потеряли. Судьбы конкретных людей отвлекли нас от главного. Мы проявили слабость и поддались общему настрою — разобщаться, и целое распалось на части. И это сделали мы сами...

«Люди разобщены, — говорил мне голос отца. — И объединить их может только чудо. Да. Но люди ждут чуда от Бога. Люди ждут чуда свыше. А истинное чудо может исходить только от человека. Да. Что странного в том, что Бог творит чудеса?.. Истина рождается там, где чудо совершает человек. Да. И ты, Анхель, тот человек, который должен совершить чудо. Да. Оставь тех, кто вводит тебя в заблуждение. Поверь в себя. Да. У тебя есть знание, а я подготовил тебе дорогу. Я жду тебя, Анхель! Я жду. Да».

В сущности, кто такой Данила? Разве он Избранник? Нет, он просто канал, через который снисходит Откровение. Теперь, когда Откровение снизошло, необходимо действовать. Но Данила не может, не способен действовать. Потому что для этого нужна решимость. Чудо начинается с веры в чудо. А в Даниле этой веры нет. Он надеется на людей, на потаенное в них желание Света. Но разве можно на это рассчитывать? Если бы одного этого желания было достаточно, Скрижали были бы не нужны!

И когда я понял это, все встало на свои места. Я не случайно приезжал в Россию. Здесь я получил те знания, которые нужны мне на моей родине. И теперь я возвращаюсь в Мексику, я возвращаюсь к своему отцу. Он хотел, чтобы в мире царствовала справедливость, чтобы люди объединились и были счастливы. И я сделаю это. Он нашел замок, я нашел ключ. Чудо возможно! Можно изменить мир, потому что мир — это сосредоточие силы. Остается лишь самая малость — направить эту силу в нужное русло.

«Ты, Анхель, тот человек, который должен совершить чудо, — звучал во мне голос отца. — Да. Оставь тех, кто вводит тебя в заблуждение. Поверь в себя. Да. У тебя есть знание, а я подготовил тебе дорогу. Я жду тебя, Анхель! Я жду. Да».

Я оставил тех, кто служил мне на моем пути. Они сделали свое дело. Я благодарен им. Но дальше наши дороги расходятся. Они остаются в стране вечных снегов, я возвращаюсь в страну Вечного Солнца!

*До дома я добирался на старом, мятном,
проржавевшем насквозь автобусе.
За окном пробежали малоэтажные
постройки бедного Мехико,
тянувшегося на многие километры,
а потом мы выехали на трассу.
Странное ощущение.
Два десятка людей, сидевших
в автобусе, активно общались между собой.
Было необычно и даже как-то неловко
слышать родную речь.
Настолько я отвык...*

— Не знаю, мне только жир змеи помогает, — говорила своей попутчице старая женщина на переднем сиденье. — Может, сушат их неправильно? Но жир точно боль снимает. Если б не он, не знаю, как бы я со своими коленями...

— ...И тогда я ей говорю, — раздавался зычный мужской голос откуда-то сзади. — «Красавица, а зачем ты мне такие деньги предлагаешь? За такой товар, как у меня, втридорога платить надо! Обидеть меня хочешь?.. Вот вы, женщины, все такие, нет бы приятное сделать мужчине, он бы и посмотрел на тебя *по-другому!*»

Шумная мужская компания, слушавшая этот рассказ, громко рассмеялась.

Я смотрел в окно, на знакомые, родные сердцу пейзажи — бескрайнее пространство, обожженное солнцем. Уничтожить все лишнее, все наносное — не имеющее права на жизнь, и оставить лишь главное — то, в чем есть сила и истинное желание служить Свету.

Но о чем говорят все эти люди? О чем они думают? О здоровье, о деньгах, об утехах... Они словно не видят, что мир, в котором они живут, изменился. Он выгорает изнутри, а не идет к Свету. И это разрушает мир, эта внутренняя пассивность людей!

Почему же никто не видит, что мир стоит на пороге своей смерти?!

Я инстинктивно сжал свой браслет. Мне показалось, что он раскалился и обжег руку.

— Нет, мама, я должна вернуться... — послышалось сзади.

Прямо за мной сидели две женщины — молодая и уже в возрасте. При одном взгляде на них стало понятно, что они мать и дочь.

— Да куда же вернуться?! — шепотом запричитала мать. — Вбила себе в голову! Твой святой отец Набор — проходимец и слуга Дьявола, дочка! Ну как может быть, чтобы Святая Дева явилась этой потаскухе — Габине Ромеро!

— Мама, не говори так! Мария Магдалина тоже была грешницей...

— То Мария Магдалина, дочь, а это — Габина Ромеро! Думай сама, о чем говоришь!

Я посильнее вжался в кресло, чтобы лучше слышать, что происходит у меня за спиной.

Судя по всему, мои случайные спутницы говорили о «Новом Иерусалиме» — это поселение последователей отца Набора на юго-западе Мексики. Там лет двадцать тому назад, как рассказывают, произошло чудо. Святая Дева Росарио явилась какой-то женщине и сказала ей, чтобы она обратилась к отцу Набору и поведала ему о скором Конце Света.

Отец Набор воспринял случившееся как дар свыше и на большом холме, где пророчице явилась Святая Дева, основал целое поселение. В городке на несколько тысяч человек установлены строгие порядки, существует определенная форма одежды, введен своеобразный комендантский час, территория строго охраняется. Чужаков там не любят, журналистов не пускают вовсе.

Целыми днями паства Набора проводит в молитвах, отмаливая свои грехи перед грядущим Концом Света. На вершине холма воздвигнут храм, где в окнах по четырем сторонам света выставлены фигуры святых, которые в день Страшного Суда должны будут закрыть город чудесным занавесом.

— Он уже дважды предрекал Конец Света — и в девяностом говорил, что будет, и в двухтысячном... Но ведь нет же! Не случилось! — раздраженно шептала мать.

— Время близится, мама. Близится... — сканала дочь, и по ее голосу я понял, что она плачет. — В этом году, в две тысячи пятом. Зачем ты меня увезла, мама?.. Зачем?! Мы теперь все погибнем! Погибнем!

Мать тихо заплакала, как могут плакать родители, понимающие, что их ребенок лишился рассудка и теперь уже никогда он не будет тем счастливым человечком, каким оставался для родителей все предыдущие годы.

— Нет, дочка, это ты там погибаешь... — тихо причитала мать. — Ты погибаешь... Все врет твой Набор. Врет! Как же ты забеременела от него, если так он благочестив, как ты рассказываешь? Как?!

— Мама ты просто не знаешь... И не понимаешь... Это священный ритуал, — строго сказала дочь. — Ритуал. А что я забеременела, это плохо. Отец Набор говорит, что дети не должны рождаться сейчас, потому что они не успеют понять своего греха и раскаяться пред Господом...

— Да в чем же грудные младенцы виноваты-то перед Господом?! — опешила мать.

— Все виноваты, — еще строже ответила дочь. — Грех лежит на природе человека. На самой природе...

— Да кто ж видел природу-то эту, чтобы говорить?! — слабо протестовала мать, уже, кажется, и не рассчитывая переубедить свою дочь.

— Бог видит, — ответила она. — Бог и говорит.

Я почувствовал, как браслет жжет мне руки.

Еще один знак. Сначала я встретил в самолете маленького мальчика по имени Анхель, который хотел быть со мной, но который меня испугался. Теперь вот последовательница отца Набора, который предвещает скорый Конец Света.

Мне вдруг отчаянно захотелось встретиться с этим божьим человеком. Возможно, он знает что-то, что важно для достижения моей цели. «Грех лежит на природе человека» — как это правильно! Об этом говорил и Источник Света!

Я повернулся и посмотрел на говоривших позади меня женщин.

— Сатана! — услышал я, но чей это был голос, я не понял.

— Это вы мне?..

Женщины смотрели на меня со страхом и недоумением. Их губы не шелохнулись, но я снова отчетливо услышал то же самое слово: Сатана!» и вмиг покрылся холодной испариной. Кто это говорит?! В ужасе я повернулся обратно и вжался в сиденье.

— Бог видит, — раздался голос дочери. — Бог и говорит.

Нет-нет! Не может быть, она уже произносила эти слова!

— Да кто ж слышал Его? Кто?! — взмолилась мать.

— Я и слышала, — каким-то мертвецким голосом ответила дочь. — Когда впервые вошла в Новый Иерусалим, когда увидела на стенах храма огромный глаз и надпись под ним: «Бог видит тебя, Бог слышит тебя, Бог знает, что ты делаешь» — тогда и услышала.

У меня заложило уши. Всю оставшуюся часть дороги я просидел, вцепившись в подлокотники сиденья и всеми силами пытаюсь унять страшную дрожь во всем теле. Мне было холодно. Ужасно холодно... Как в могиле. Хотя стояла почти сорокоградусная жара! Всем жарко. Невыносимо жарко! И только я... Только я.

Я вышел из автобуса и замер. Это мой город. Небольшой поселок. Я знаю здесь каждый камень, каждую улочку, каждый дом. Но странное, неприятное чувство. Кажется, что он не настоящий — мой родной город. Слово бы это и не он вовсе, а его макет. Большая, искусно выполненная декорация из раскрашенного картона... Нет, ничего. Ничего страшного. Просто мне кажется. Это от напряжения. Сейчас я дойду до своего дома, встречу мать, деда. Потом найду отца, освобожу его, и все будет в порядке. Нельзя поддаваться панике. В последнее время я многое понял, принял непростое для себя решение. Конечно, мне может что-то чудиться. Конечно...

Мой дом всего в нескольких шагах от автобусной остановки. Я пройду тихо и незаметно. Меня никто не увидит и не узнает. Я доберусь до своего дома, и мне станет легче. И сон! Сон, конечно, ко мне вернется. Ведь я дома. Все будет хорошо. Все правильно. Я делаю то, что должен, я со всем справлюсь. Скоро Скрижали обретут силу.

Быстрым шагом, почти бегом я преодолел две улицы и, завернув за угол, в ощущении все возрастающего ужаса остановился перед своим домом. Его двери и окна были наглухо заколочены. Металлические жестяные ставни закрывали окна. На дверях висел огромный, наверное, килограммовый замок, я никогда его не видел.

— Анхель?.. — раздалось откуда-то сзади. Я, словно зомби, лишенный чувств и эмоций, машинально обернулся. На той стороне узкой улочки стоял и удивленно улыбался Риго — мой сосед и приятель с самого раннего детства.

— Они умерли?.. — почему-то спросил я, показывая рукой на дом.

— Умерли? — непонимающе переспросил Риго. — Ты это о чем, Анхель?

— Они умерли?! — повторил я осипшим голосом.

Это единственная мысль, которая приходила мне в голову, — все мои родные умерли. Я лишился сна, со мной говорит покойный отец, я приезжаю в родной дом, он закрыт, на двери огромный амбарный замок. Все умерли...

Мне хочется плакать, но сердце как будто стало каменным — не бьется, не стучит, а лишь тянет вниз с невыразимой силой. Слезы застыли в уголках глаз. В груди сдавленный крик. И только тихая-тихая улочка... и опустевший дом.

— Да что ты, Анхель! Бог с тобой! — замахал руками Риго. — Они уехали. Неделю как уехали. Просто уехали. Живы... Живы...

Риго перешел улочку, приблизился ко мне и обнял:

— Все хорошо, Анхель... Все хорошо. Они живы... Живы.

Я задыхался в приступе рыданий. Меня выворачивало наизнанку. Я не знал, что со мной происходит. Что-то страшное... Я рыдал как дикий раненый зверь, угодивший всеми четырьмя лапами в охотничий капкан. Я хотел умереть в эту минуту. Умереть, чтобы все закончилось.

Я запутался. Запутался... Совершенно запутался. Куда я поехал и зачем?.. Нет, что-то пошло не так. Что-то пошло не так. Но что?! Почему их здесь нет — моей матери и моего деда? Куда они уехали?.. Почему?! Я вернулся. Вернулся! А их — нет! Что случилось?! Что происходит?..

— Ну ладно, ладно... — успокаивал меня Риго. — Не волнуйся... Что с тобой?.. Все нормально. Испугался?.. Думал, они умерли? Нет, не умерли. Все хорошо. Успокойся... Да, так... Молодец. Ну ничего. Ничего. Пойдем ко мне. Пойдем. Помнишь, как раньше?.. Помнишь?

Риго привел меня в свой дом. Тут многое изменилось с тех пор, когда я был здесь в последний раз. Мебель расставлена по-другому, вместо занавесок — жалюзи, комната родителей Риго была превращена в молельню. Там тускло горели свечи, едва заметно поблескивали покрытые лаком иконы и металлические лампадки.

— А твои родители умерли? — спросил я.

— Да. А разве ты не помнишь? — удивился Риго. — Это случилось, еще когда ты первый раз уезжал в Россию, на обучение. Неужели забыл?

Действительно, родители Риго — Мигель и Алонса — умерли почти десять лет назад! Они были очень добры ко мне. Как я мог забыть об этом?

— Ах да... Прости...

— Да нет. Ничего, — ответил Риго и внимательно пригляделся ко мне: — Ты наверное, голоден? Покормить тебя?

— Нет, не нужно, — ответил я.

— У меня есть пирог с курицей, — сказал Риго. — Ты любил его раньше. Острый, с томатилос и перцем чили. Отличная запеканка! Небось давно не едал такого...

— Да, не едал... — машинально повторил я.

— Ну так садись к столу. Давай!

Я машинально сел за обеденный стол.

Как странно! Я сижу в доме своего друга, с которым меня связывает только наше детство, а разделяет почти тридцать лет. Пропать.

— Надолго к нам? — спросил Риго, суетясь у плиты. — Я был бы рад, если надолго.

Но я ничего не ответил. Но не потому, что не знал, что сказать. Я просто не понял вопроса. Не смог задуматься над ним, сконцентрироваться. Мои мысли были далеко. Или нет — их вообще не было. Какое-то странное ощущение протрации, внутренней опустошенности, болезненной нереальности происходящего.

— А я работаю слесарем на станции техобслуживания, чиню машины... — продолжал Риго, лишь изредка поглядывая на меня краем глаза. — А ты-то как? Чем живешь? Чем занимаешься?

Выпытывает?.. Хочет знать мои планы? Засланный?!

А что, если действительно этот город не настоящий? Да, очень может быть! Не случайно же он показался мне сделанным из картона... И запертый дом. Как такое может быть?.. Куда они могли податься? Деду девяносто лет! И этот странный разговор женщин в автобусе... Горящий браслет. «Сатана»...

— У тебя теперь молельня в спальне родителей? — спросил я.

— Да, — сказал Риго, поставил передо мной тарелку с мексиканской запеканкой из курицы. — Ты заметил?

— Дверь была открыта, прости...

— Да ничего, — Риго пожал плечами, взял две кружки с кофе, поставил их на стол и сел напротив меня. — Ты давно спал-то?

— Спал? — я вздрогнул.

Откуда он знает, что у меня бессонница? Он знает!

— Синяки под глазами... — Риго помахал в воздухе рукой, показывая на мое лицо.

— А-а-а... — протянул я. — Кому молишься?

— Кому молюсь? — Риго сделал вид, что удивился. — Святой Деве Гваделупской. Кому еще?

Святой Деве Гваделупской молится большая часть католической Мексики, именно она считается небесной заступницей мексиканцев. Но как-то это все странно... Может быть, Риго как-то связан с теми женщинами из автобуса?

— Гваделупской? Или все-таки Святой Деве Росарио?

— Ты в своем уме?! — рассмеялся Риго очень натурально. — Смеешься надо мной? Ты на этих сектантов намекаешь, что ли?

— «Бог видит тебя, Бог слышит тебя, Бог знает, что ты делаешь», — я процитировал надпись на церкви в Новом Иерусалиме отца Набора, но Риго сделал вид, что никогда не слышал этой фразы, — смотрит на меня и как-то странно, невинно улыбается.

— Их лидер, какой-то Набор, если я правильно помню, объявил папу Иоанна Павла II — посланником Сатаны! — продолжал улыбаться Риго, делая вид, что мое предположение — чистой воды безумие. — Как можно относиться к этому серьезно?! Это же бред! Сущий бред!

— Но ведь Иоанн Павел II умер... — я слегка склонил голову набок, приглядываясь к Риго.

— Это большая утрата, — сочувственно сказал он. — Большая утрата для всех католиков.

Точно меня дурит! Если Иоанн Павел II умер, какое значение теперь имеет это высказывание отца Набора?! С таким серьезным видом...

Я взялся за нож и вилку, отрезал кусок запеканки. И внезапно почувствовал...

Она может быть отравлена! Да, как я не догадался сразу?! Это же очевидно! Зачем Риго привел меня в свой дом? Зачем потчует этим дурацким пирогом с курицей?! Курица! Да, курица! Ее же используют в шаманских ритуалах! Черт!!!

Я вскочил и резко подался назад. Раздался грохот упавшего стула.

— Ну ладно. Пожалуй, я пойду, — прошептал я, инстинктивно мотая головой из стороны в сторону. — Спасибо. Не провожай.

— Да что с тобой такое?! — Риго смотрел на меня с явным недоумением. — Даже не притронулся к еде...

Как ему удастся так играть?! Дьявольщина! Дьявольщина!

— Все нормально. Не провожай, — я развернулся и бросился к двери.

По дороге натолкнулся и сшиб напольную вазу с цветами. Она качнулась, с резким неприятным скрипом чиркнула глиняным дном по каменному полу и рухнула, разлетевшись на части.

— Извини, — пробормотал я и не оглядываясь выбежал из дома.

Едва оказавшись на улице, тут же помчался прочь от этого страшного места.

— Анхель! — крикнул Риго.

Я оглянулся, не останавливаясь. Он стоял на пороге своего дома — удивленный, обескураженный, разводя руками в стороны.

Как им всем удастся так натурально играть?! Кто это мог подстроить?..

— Твои поехали в Куаутемок, — снова раздался окрик Риго. — Не знаю, поможет ли тебе это...

— В Куаутемок?! — я остановился, не понимая, как такое может быть, и сделал несколько шагов назад. — Зачем?!

Куаутемок — это небольшой город, расположенный в горах, на самом севере горного хребта Сьерра-Мадре, разделяющего Мексику на западную и восточную части. Что там могло понадобиться моей матери и деду? Вообще-то от Куаутемока не так далеко до Нью-Мексико — американского штата, где проживает большая часть индейцев-навахо.

А еще Куаутемок — это имя одного из национальных героев Мексики, последнего вождя ацтеков, который в XVI веке вступил в сражение с испанскими завоевателями, был взят в плен и жестоко казнен. Да, точно! За Куаутемоком далеко в горах располагается нечто наподобие тайного, чудом сохранившегося монастыря ацтеков...

Мысли судорожно крутились у меня в голове...

— Лихо сказала так. Не знаю, — грустно ответил Риго, развернулся и пошел в дом.

А я так и остался стоять посреди улицы, не понимая, что со мной произошло, где я нахожусь и что мне теперь делать.

Зачем они поехали в Куаутемок?! Дед всегда с пренебрежением говорил об ацтеках. Он называл их варварами. Сетовал, что развитие цивилизации — это еще не свидетельство духовного развития. И когда людям вырывают сердца, а лестницы огромных пирамид заливают человеческой кровью — это не ритуал, а чудовищное убийство.

Потомки ацтеков до сих пор живут в Мексике, но их культура официально считается исчезнувшей. Конечно, это далеко не так. Большинство ацтеков действительно погибло от рук испанцев, но некоторые выжили. Частично они были поработаны и приняли христианство, а другие — скрылись в горах, сохраняя верность своим богам.

Но боги ацтеков... Это же самые кровожадные божества планеты! Бог войны — Уицилопочтли, его сподвижник — Тецкатлипока, бог огня — Ауэцотль, бог солнца — Тонатиу, богиня луны — Койольхауки, бог дождя — Тлалок и еще десятки других богов. Каждому из них были принесены в жертву тысячи жизней! Каждый день — чья-нибудь новая смерть!

Ацтеки постоянно воевали, пополняя «человеческие ресурсы» для своих ритуальных жертвоприношений. Впрочем, на священных алтарях умирали не только пленники... Ацтек, решивший принести себя в жертву богам, выпивал грибную настойку, после чего жрец вырезал ему сердце, которое затем сжигалось на жертвеннике.

Правда, насколько я знаю, теперь ацтеки редко прибегают к человеческим жертвам, но продолжают кормить своих богов человеческой кровью.

Дед много рассказывал мне об этом. Ацтеки так и не смогли научиться контролю над сновидениями, но нашли более простой способ соприкоснуться с реальностью, расположенной по ту сторону бодрствующего мира. Галлюциногенные грибы... Искусственные сны и искаженная ими реальность — вот вся духовная жизнь ацтеков!

Зачем Хенаро понадобилось ехать в Куаутемок?!

У меня появилось неприятное, тягостное, даже пугающее предчувствие... А что, если они прячутся от меня? Не хотят со мной встречаться? Что-то скрывают? Но если — да, то — что?! Это как-то связано с отцом... Разумеется! Другого объяснения просто нет. Но что они знают такого, о чем не знаю я?! Это какая-то тайна, в которую меня не посвящали?

Я стоял на автобусной остановке и раздумывал, следует ли мне ехать в Куаутемок искать мать и деда.

Браслет на руке горел, словно его только что достали из доменной печи.

«Не мешкай, сын! — раздался голос отца. — Не мешкай! Время уходит... Да. Ты должен узнать тайну. Ты должен найти меня. Да. Я удерживаю силы Земли. Я жду, что ты принесешь свои знания. Да. Не мешкай! Ты сможешь. Да».

— Отец, я иду к тебе. Иду! — прошептал я. — Я найду... Я узнаю... Я смогу...

«Торопись».

— Папа, а меня хотели сейчас убить, да? Мне не почудилось? Риго...

«Хотели и хотят. Да, — ответил отец. — Твоя жизнь висит на волоске. Да. Силы Земли сопротивляются. Я удерживаю их, но время против нас. Да. Если ты не поспеешь к сроку, они уйдут. Ты ничего не сможешь сделать. Да. Твои знания погибнут. Да. Мир погибнет. Да».

Мир погибнет?.. Конец Света?! Да, точно! Ацтеки ждут прихода Конца Света каждые пятьдесят два года по своему календарю, где год равен двумстам шестидесяти дням. Может быть, с этим связан отъезд деда и матери? Может быть, пришел очередной Год Великой Смерти? Так вот зачем Скрижали!

— Отец, но почему мама и дед уехали из дома? Зачем они отправились в Куаутемок?!

«У тебя есть цель, сын. Это важно. Да. Это имеет ценность. Все остальное не имеет значения. Ты должен изменить этот мир. Ты — Избранник. Да. Забудь обо всем. Думай только о своей цели. Да. Думай о цели. Иди к ней. Да. Она ждет тех, кто думает о ней. Иди. Да».

— Ни о чем не думать... Ни о чем не думать... — шептал я, суетливо переминаясь с ноги на ногу. — У меня есть цель. Есть цель... Я смогу.

— Куда едешь, сынок? — раздалось откуда-то сбоку.

Я вздрогнул и повернул голову в ту сторону, откуда прозвучал вопрос. На остановке какая-то странная, страшного вида старуха и внимательно меня изучала. Лицо испещрено морщинами, седые волосы убраны в толстую косу, на плечах — прохудившееся пончо, в руках — какой-то глупый узелок. Она казалась городской сумасшедшей...

— По делам, — сухо ответил я. — Я еду по делам.

— Убить кого-нибудь задумал? — спросила она вдруг, а у меня мурашки побежали по коже.

— С чего вы взяли? — заикаясь, прошептал я и отступил назад.

— Значит, задумал... — пожала плечами старуха и пошла прочь, приговаривая: — Я так и думала. Сразу видно. Если задумал кого-то убить, то сразу видно. Сразу...

Господи, но что же это такое! Сначала маленький Анхель, потом две женщины в автобусе, говорящие о Конце Света, потом отъезд моих родных в страну кровожадных ацтеков, наконец, Риго... И теперь — эта старуха!

Я задумал кого-нибудь убить? Какая глупость! Какая глупость! Нет! Я не хочу никого убивать... Не хочу!

— Пойдите! — закричал я. — Пойдите!

Старуха не остановилась и даже не сбавила шаг. Еще секунду я стоял на месте, а потом рванул за ней.

— Вы меня знаете?! — я забежал вперед и преградил ей дорогу. — Знаете?!

— Зачем мне тебя знать, ты еще не мертвый, — загадочно ответила старуха.

— А вы... Вы знаете только с мертвыми?

— В этом мире полно мертвецов, — безразлично ответила старуха и пошла в другую сторону.

— Пойдите же! — закричал я и снова последовал за ней. — Что вы имеете в виду? О чем вы говорите?! Я не понимаю! Что значит — «в этом мире полно мертвецов»?

— То и значит, — ответила старуха. — Мертвец — он кто? Он — тот, кто лишился собственной воли. Так ведь?

Старуха остановилась и уставилась на меня своими когда-то карими глазами.

— Что — «так»? — оторопел я.

Она говорила, что мертвец — это не тот, кто умер, а тот, кто лишен воли. Но что значит — «лишен воли»? И зачем ей общаться с такими людьми?

— Ты своим умом думаешь? — Старуха уперлась руками в бока и грозно посмотрела на меня как на нашкодившего мальчишку. — Своим?

— Я... Я... — я не знал, что ответить, потому что не понимал, что она имеет в виду.

— А много ли таких, кто своим умом думает? — сощурилась старуха.

— Я думаю, много...

— Много?! — Она расхохоталась, показывая мне свой страшный беззубый рот. — Вот ты скажешь, конечно! Да ты еще и дурак!

Старуха снова куда-то направилась. Кажется, без всякой цели. Только бы избавиться от меня — как от приставшего к одежде репейника! Мы кружили с ней по небольшой площадке рядом с автобусной остановкой как два баскетболиста, дерущиеся за мяч на импровизированной тренировке.

— Господи, умоляю вас, скажите мне! Скажите! — Я готов был упасть перед этой старухой на колени, только бы она мне все объяснила.

Я так устал, так запутался. И эта женщина... Ведь это не случайно, что я ее встретил. У нее есть какое-то послание для меня. Она что-то знает! Почему она не скажет?!

— Никто не хочет думать своим умом, — старуха продолжала идти прочь, сетовала и недовольно качала головой из стороны в сторону. — Говорю ему, что он убийство затеял. А он мне — «скажите мне, скажите»! Ну не дурак?.. Дурак.

— Но что значит — думать своим умом? — я вцепился в нее как смертельно оголодавший клещ. — Что вы имеете в виду? Это ведь непонятно. Вы можете разъяснить...

Старуха снова остановилась и уставилась на меня как на форменного придурка, который встал ей уже поперек горла.

— Люди в Бога верят? — спросила она, глядя мне прямо в глаза.

— Верят, — ответил я.

— А откуда они знают, что Бог есть?

— Они чувствуют, — я непонимающе развел руками.

— Они что, по-твоему, *Бога* чувствуют? Ты в своем уме?! — она произнесла это слово — «Бог» — с каким-то особенным пренебрежением в голосе, словно бы речь шла не о Боге, а о какой-то дешевой кукле, поделке из кусочков ткани. — Им понарасказали всякой всячины, съели их ум своими идеями. И теперь они ходят, «чувствуют Бога»! Надо же! Своим умом они думают! Посмотрите на них! С ума сойти!

— Так что же, нет Бога, по-вашему?..

— По-вашему, по-нашему, по-твоему, по-моему... — заворчала старуха. — Вот все так!

— Но вы же сами говорите — «своим умом», — я совершенно растерялся, — вот и получается — по-вашему, по-нашему, по-твоему, по-моему...

— Тьфу! — старуха плюнула наземь рядом со мной и повернулась. — Дурак какой!

— Нет, стойте! — закричал я, забегая вперед. — Зачем вы уходите? Почему вы не хотите мне все объяснить? Вы же сами ко мне подошли!

— Ну подошла я, что с того? — Старуха снова остановилась и презрительно на меня уставилась. — Что, теперь я, значит, виновата, что ты — дурак? «Объясните мне», «расскажите мне», «разъясните мне»... Слов-то каких набрался! А ум твой — где?! Где, я тебя спрашиваю?!

Чертовщина какая-то. Я смотрел на старуху непонимающими глазами, совершенно лишенный какой-либо способности думать и отдавать себе отчет в том, что происходит. «Где мой ум?» — спрашивает она. Да, где мой ум? Не знаю. Я растерялся. Я запутался. Я ничего не понимаю! Мне кажется, этот мир вокруг меня ненастоящий... Куда уж дальше?!

— Так ничему нельзя верить? — прошептал я.

— Нельзя, — сурово ответила старуха.

— Но как же?.. — я почувствовал, как ноги мои стали ватными, а земля буквально уходит из-под них, проседает. — Как мне с вами, например, разговаривать, если я не должен вам верить? Как?!

— А вот и молчи, если не умеешь! — огрызнулась старуха. — Зачем говорить, если не знаешь как?

— Но помилуйте... А как же? Молчать?..

— Молчи, — уверенно сказала старуха.

— Я ничего не понимаю. Ничего не понимаю...

— Ум твой где?! — заорала она.

— Где мой ум... Ничему нельзя верить... Не можешь говорить — молчи... — повторял я, пытаюсь собрать воедино эти такие бессмысленные на первый взгляд фразы.

— Тьфу! — снова плюнула старуха и пошла прочь.

— Но зачем вам мертвецы? — прошептал я, глядя ей вслед.

Старуха остановилась, но не обернулась. Задумалась о чем-то, словно решала — сказать мне или нет.

— Я забираю их души, — сказала она, не оборачиваясь.

— Забираете их души?! — повторил я.

— Забираю, — она в который раз повернулась и посмотрела на меня, словно пронзила раскаленной иглой. — Потерял человек свой ум — зачем ему душа? Душа ему и так не принадлежит. А если он свой ум потерял, как же ему душу его доверить? Все. Прощайся. Хочешь сохранить душу — сохрани свой ум. А не хочешь — жри, что тебе рассказывают, верь — «по-моему», «по-твоему», «по-нашему», «по-вашему» — душа твоя больше тебе не принадлежит. Не смог сохранить — отдай! Я заберу.

У меня дыхание прервалось от этих слов. Грудную клетку сдавило будто компрессором.

— Сдохнешь ты скоро, — сказала старуха, глядя на меня. — Вижу, что скоро. Совсем скоро. Прощай!

С этими словами она резко пошла в сторону и уже через пару секунд оказалась посередине дороги — прямо перед мчащейся на нее легковой машиной.

— А-а-а! — только и успел вскрикнуть я. Раздался ужасный скрип тормозов, какой-то свист, удар...

Машина встала как вкопанная в пяти сантиметрах от безумной старухи. Та, словно бы ничего не случилось, обошла капот ржавой развалюхи, у которой неизвестно как крутятся колеса, не то что — работают тормоза, молча открыла дверь, села и прикрикнула на водителя:

— Чего встал?! Поехали!

Заглохнувшая было машина тут же завелась и рванула с места.

У меня было ощущение, что я познакомился с собственной смертью. Старая страшная женщина в прохудившемся пончо. Наверное, так и должна выглядеть моя смерть — неприглядная, злобная, жестокая. Она полностью убила во мне всякое желание действовать, куда-то идти, ехать, что-то делать.

«Своим умом...» — что это значит? Кто на этой планете живет «своим умом», если он таков, каким его описала эта старуха? «Им понарасказали всякой всячины, съели их ум своими идеями, и теперь они ходят...» Неужели «свой ум» — это вечное сомнение, вечно метущаяся душа?!

Хотелось плакать — от пустоты, от безысходности. Я раздавлен...

«Своим умом...» А жил ли я когда-нибудь своим умом? Я жил умом моего деда, точнее — содержанием его ума. Я жил умом моих друзей, точнее — тем, что мы делали, пускаясь на поиски Скрижалей. Я жил самими Скрижалями. Но Скрижали — это не мой ум. Но что тогда мой ум? Где он? Чем отличается он от «не моего ума»?

Даже здесь, в этом месте, я оказался не «своим умом». Меня привел сюда мой браслет.

Я посмотрел на него. Он жег теперь не жаром, а леденящим холодом.

Часть вторая

*Мне потребовалось два дня,
чтобы добраться до Куаутемока.
Прошли еще две бессонные ночи...
Я уже еле держусь на ногах,
мысли путаются, совершенно нет сил.
Куда я еду? Зачем? Почему?
Я не знаю. У меня нет ответа.
На самом деле я еду в Куаутемок
только потому, что это мой единственный
шанс обрести хоть какую-то определенность.
Неужели все наши — такие долгие и тяжелые —
поиски Скрижалей завершатся настолько
бессмысленно, так глупо и безрезультатно?
Мы должны были спасти мир
от его внутреннего разложения.*

*Нашли Скрижали, но не нашли способа
использовать полученные знания.
Так что же дальше?.. Есть ли выход?..*

С горем пополам я выяснил, как найти таинственных ацтеков, прячущих свои храмы и жертвенники в горах за Куаутемоком. Но теперь уже я сомневался, что найду там своих родных. С чего я вообще взял, что они должны быть именно там? Какая логическая цепочка привела меня к этому? Сколько ни пытался, я не мог ее восстановить.

Казалось, мысли перестали меня слушаться. Я потерял способность додумывать их до конца — начинал и бросал на полдороге. Точнее, не бросал, — они сами стопорились и заканчивались ничем. Ощущение, что ты что-то пишешь, доходишь до конца листа и замираешь, потому больше писать негде, а предложение оборвано на полуслове.

И у обычных людей такое случается, когда они, направляясь куда-нибудь, вдруг понимают, что не помнят, зачем туда шли. Но потом обычно вспоминают. А если и не вспоминают, то лишь потому, что причина, которая заставила их двинуться с места, была столь мала и несущественна, что и подобная забывчивость не кажется им странной. Это не печалит и не пугает. Но я, казалось, не помнил уже ничего!

Мои собственные мысли потеряли силу, почти обездвижились, впали в какое-то странное мертвецкое оцепенение. Как ворох опавших листьев, поднятых с земли холодным осенним ветром. Эти листья не способны взлететь, подняться в небо, вернуться на ветви. Они лишь чуть взметаются над землей и, совершив один, другой круг, ложатся на все ту же холодную землю, в свою могилу. Так и мои мысли.

— Отец, пожалуйста, поговори со мной, — шептал я, поднимаясь по узким горным тропам. — Поговори...

Браслет молчал. Молчит уже целых два дня. С того самого момента, как только я повстречал ту страшную старуху на автобусной остановке. С того самого вопроса: «Убить кого-нибудь задумал?» Он словно испугался, что она открыла его тайну... Но неужели отец готовит меня к убийству?

Может ли быть, что «замок», о котором говорил мне отец, и «путь», который он отыскал для меня, — это убийство и путь убийцы?

А может быть, и правда... Может быть, Скрижали даны этому миру не во спасение, а как яд, как нечто умертвляющее? Ведь иногда смерть — это избавление. Она освобождает пленника и излечивает боль. Может ли быть, что Господь, разочаровавшись в Своем творении, задумал акт мистической эвтаназии — гуманного умерщвления человечества?

Почему не допустить мысль, что все сроки уже пройдены и решение принято? Что Судьба уже вершит то, что предначертано и изменено быть не может? Что приговор уже вынесен и не приведен в исполнение лишь потому, что гонец задержался в дороге? Но он мчится, мчится во весь опор. Он скоро будет. Осталось только дожидаться...

Если мир не оправдал надежд Творца, на что можно надеяться? Мастер никогда не сохранит неудавшейся работы. Да и зачем? Нам казалось, что спасение все еще возможно, но... Данила ведь опоздал на Байкал — в этом правда. Ему был дан срок, но он в него не уложился. Возможно, тогда был еще шанс, а теперь — нет.

Источник Света говорил о преодолении страха смерти. Для этого он и дал нам Скрижали. Но может быть, они не способны спасти нас от смерти, быть может, они — лишь своеобразная анестезия, обезболивающее для праведников, которым, как и грешникам, суждено погибнуть в Конце Времен?.. Завтра или послезавтра.

В каждой своей книге я цитирую Апокалипсис. Но о чем он говорит? Разве о *спасении*? Нет! Совсем нет. Наоборот! Апокалипсис говорит о Судном дне, о том дне, когда весь мир погрузится в раскаленные клубы горячей и пенящейся серы, в ад! Не рай и не благоухание Эдема ждут человечество... Его ждет смерть.

А что, если я должен был убить Данилу?.. Что, если я должен был убить Избранника?! Господи, нет! Не может быть! Чуть! Бред. Мне мерещится. Мне кажется. Просто я давно не спал, я устал. А вдруг — нет? Вдруг не мерещится? Вдруг и правда я должен убить Избранника, чтобы помочь Господу остановить этот мир?..

Я лег на землю и лежал какое-то время. Хотелось спать. Отчаянно хотелось спать, но уснуть я не мог. Я свернулся калачиком на земле и пытался додумать хотя бы одну свою мысль до конца — о Конце Света, о Скрижалях — как о средстве обезболивания для праведников, о своей миссии и долге убить Данилу, чтобы прекратить все. Я думал, думал... Но мысли останавливались.

Все. Надо было встать и идти. Встать и идти.

Моя мать стояла на склоне горы и смотрела вниз. Она словно встречала меня...

Но как она узнала? Почему она ждет меня именно здесь — на этом безымянном склоне, о существовании которого я никогда прежде не слышал и даже не подозревал?! Откуда она вообще могла знать, что я решил вернуться из далекой России?! Почему она была уверена в том, что я найду и этот горный склон, и ее саму?

Я не верил своим глазам. Мне подумалось: это какая-то галлюцинация, какой-то страшный фантазм, мираж. Но нет, я не ошибся. Это была она — Лихо, моя нежно любимая мать. Она встречала меня. Видела, что я нашел ее, пришел к ней...

Но вместо радости во всем ее образе читалась какая-то невыразимая тоска и печаль. Она смотрела на меня, на своего сына, идущего к ней по крутому горному склону, на сына, которого не видела больше двух лет, смотрела и тихо плакала. Не от радости, а от горя... Почему в ее глазах только скорбь?! Что-то случилось?.. Дед умер?!

— Мама, дед умер?! — в ужасе прокричал я, еще не добравшись до самого верха.

— Ты так и не остановился, — тихо сказала она, повернулась и пошла прочь.

Нет, с дедом, кажется, все в порядке. Но что с моей матерью?! Что значит эта странная фраза — «Ты так и не остановился?» Я не убил Данилу — это она имеет в виду?! Что я не убил Данилу?! Вернулся из России без крови Избранника на руках?!

— Мама, ты что?.. — закричал я и поспешил вверх с удвоенной силой. — О чем ты говоришь?! Это же я — Анхель! Твой сын! Я приехал к тебе. Мама, я нашел тебя... Мама!

Лихо шла куда-то в сторону небольшой ложбины, утопающей в тропических зарослях. Она даже не улыбнулась мне! Не обняла, не сказала ни одного ласкового материнского слова! Мне вдруг стало так больно, так страшно, так одиноко...

Но Лихо ничего не отвечала.

— Мама, ну что же ты, мама? — шептал я, нагоняя ее. — Я приехал. Я нашел тебя! С таким трудом... Почему вы уехали? Почему вы оставили дом? Мама!

— Ты так и не остановился... — обреченно повторяла Лихо.

— Мама, о чем ты говоришь? — Слезы подступили к горлу, моя мама встречает меня как чужого, не известного ей человека. — Что это значит — «не остановился»? В чем я должен был остановиться? Чем я огорчил тебя, мама?.. Лихо замедлила шаг, повернулась вполборота. Она смотрела на меня искоса, задумчиво, словно бы хотела в чем-то убедиться.

— Мама!!! — закричал я, чувствуя, что от невыносимой боли сердце мое сейчас разорвется на части. — Ты что, не слышишь?! Это я — Анхель! Твой сын!

— Мой сын поехал в далекую страну, чтобы помочь Избраннику, — сухо ответила Лихо. — Он уехал на великую службу.

— Мама, но... — я не знал, что на это ответить.

Лихо повторила слова, которые она сказала мне в аэропорту, когда я улетал в Россию. Тогда она рассказала мне о своем сне. Ей приснилось, что Солнце породило Дракона, но тот вырос и проглотил Солнце. И наступила Тьма. Но голос сказал моей матери: «Не бойся, благословенная мать благословенного отрока! Твой сын сослужит Мне великую службу! Он будет служить тому, кому Я дам заветы Моего спасения!»

— Но ты не остановился, — повторила Лихо.

Господи, о чем она говорит?! О чем?! Я, наоборот, остановился... Что же я сделал не так?! Я помог Избраннику... Я помог. Я лишь только не убил его. А может быть, должен был?! Дракон съел Солнце... Может быть, я должен был убить Данилу? «Твой сын сослужит Мне великую службу!» В этом моя роль? Моя миссия...

— Мама, но я все сделал. Я помог, — прошептал я, не понимая, что говорю, о чем, что я должен сказать. — Мы нашли Скрижали Завета, мама. Миссия выполнена. И если ты об этом,

то я остановился. Я сказал: «стоп»! Я вернулся, чтобы быть здесь, на своей родине, чтобы сделать то, что я должен сделать. Ты все неправильно поняла! Ты все неправильно поняла!

— Я все поняла правильно, сын, — с безмерной грустью ответила Лихо и пошла дальше.

Мы спустились в долину. Из-за верхушек деревьев показалось огромное озеро, спрятавшееся в кольце зеленых холмов, словно драгоценная жемчужина в прекрасной раковине. Оно наполнялось водопадами горных рек, чей шум, похожий на музыку, доносился с разных сторон.

Впрочем, это было даже не озеро. Это был маленький город, расположившийся на водной глади. Слово зеленое блюдце с прозрачно-голубой водой, по которому плавают крошечные игрушечные корабли. Удивительное, ни с чем не сравнимое зрелище.

В самом центре озера возвышалось высокое строение из желтого камня, похожее на пирамиду. Храм. Издалека создавалось впечатление, что эта пирамида буквально растет из озера. Но при ближайшем рассмотрении стало понятно, что она стоит на огромном плоту.

Рядом с храмом высилось другое сооружение вытянутой формы, воздвигнутое с потрясающим умением и старанием. Чудилось, что эта изящная, богато украшенная орнаментами и барельефами башня — никакое не здание, а божий палец, властно показавшийся из глубины вод.

Вокруг двух гигантов на таких же плотках из влаголюбивой растительности, дерна и ивовых кустов располагались жилые постройки. Все они соединялись друг с другом радиальными переходами-мостами. И вместе образовывали накиннутую поверх воды причудливую сеть из зданий и дорог.

— Тиуакан-Пикчу, — сказала мать, остановившись. — Священный город ацтеков, принявших на себя служение богам канувших в небытие инков.

— Мама, зачем вы здесь? — прошептал я, с замиранием сердца глядя на этот почти фантастический плавающий город. — Неужели дед обманывал меня, когда говорил, что ацтеки — жестокосердные, что они забыли о духе? Неужели он обманывал меня?..

— Мы здесь, потому что у нас не было другого выхода, — ответила Лихо. — Ты не оставил нам выхода, Анхель, и поэтому мы здесь.

— Я не оставил вам выхода? — я непонимающе взглянул на нее. — О чем ты?

— Цель поглотила тебя, Анхель, — ответила Лихо. — Тебя больше нет.

— Меня — нет? — повторил я, ощущая какое-то странное, необычное для себя презрение к матери. — Ну хорошо. А зачем вы переехали сюда?

— Хенаро все еще надеется спасти тебя, — ответила Лихо.

— Удачное место вы выбрали, — огрызнулся я и ехидно добавил: — Он принесет меня в жертву?

Лихо повернулась ко мне. В ее глазах были скорбь и отчаяние.

— Жертву ты принес сам, — тихо сказала она. — А не должен был, Анхель. Не должен.

— Да вы с ума сошли! — я от ужаса застыл на месте.

Надо ли мне идти дальше? Может, бросить все и бежать со всех ног? Но куда?! Ответа на этот вопрос у меня не было. Я должен собраться, сосредоточиться, не позволить вводить себя в заблуждение, не вызывать подозрения и выведать — у нее ли, у деда — тайну о моем отце. Что они скрывают? Какую игру ведут? На кого работают?..

Нервная дрожь пробежала по моему телу. Мне пришлось покинуть своих друзей, потому что они отступили от Пути, оставили надежду изменить мир. Я приехал к родным людям, но и они, как оказалось, предали меня... Что же это происходит? Что происходит?! Я совсем один? Совсем один?!

— А как дед собирается меня спасти? — спросил я, стараясь не выдать своего состояния.

— Искусственные сновидения, — односложно ответила Лихо.

— Искусственные сновидения? — не понял я. — Зачем?

— Ты потерял связь с реальностью сновидений... — Лихо страдальчески пожала плечами.

Господи, откуда они это знают? Откуда они знают, что я лишился сна? Я никому не говорил об этом. Ни единой живой душе! Откуда они знают?! Кто им сказал? Кто?! Это какой-то заговор! Заговор!

Лихо прочла ужас в моих глазах.

— Хенаро всегда находился рядом с тобой, Анхель. Он всегда был рядом — в твоих сновидениях, — сказала Лихо, и это было чистой правдой, я всегда чувствовал во снах незримое присутствие деда. — Но когда ты выпал из реальности сновидений, он все понял. Он не хотел ехать сюда, Анхель, потому что он не признает варварские культы ацтеков. Но лишь у них есть способ вернуть тебе сон, насильно втолкнуть тебя в реальность сновидений. Если все получится, Хенаро сможет помочь тебе. Я молюсь об этом... Если же нет, то ты умрешь. Очень скоро. Очень.

Черт! Действительно! Дед не мог не знать, что я перестал спать. Да, и ведь они уехали из нашего городка именно в тот день, когда у меня началась бессонница! Это правда... А теперь дед хочет вернуть меня в реальность сновидений с помощью тайного ритуала ацтеков — их галлюциногенных грибов! Да, все понятно. Все встает на свои места. А я подозревал их — мою мать, моего деда — в том, что они меня предали. Как это ужасно! Как я виноват... Как виноват...

— Мама, мамочка! — прошептал я и упал перед ней на колени. — Прости меня, прости. Со мной что-то происходит...

Лихо подошла ко мне, я обнял ее и разрыдался, уткнувшись носом в живот. Я чувствовал ее — свою маму — любимую, нежную, моего самого близкого, самого дорогого человека на свете. Я чувствовал ее. Она рядом. Она думает обо мне. Она заботится обо мне. Она меня любит...

— Мама, мамочка! — шептал я сквозь слезы. — Я не знаю, что со мной. Я не знаю... Но отец... Отец... Он сказал мне...

Я почувствовал, как теплые руки матери, только что с нежностью лежавшие на моих плечах, вдруг впились в них как грубые металлические щипцы. Она оттолкнула меня, отпрянула назад. Grimаса ужаса исказила ее лицо. Ужаса! Словно я не ее сын, не ее единственный сын, а какое-то страшное, гадкое, уродливое чудовище!

— Ма-ма... Что с тобой? Что?!

— Надо идти, — отрезала Лихо, повернулась и быстро пошла к озеру. — Надо идти, Анхель. Не мешкай!

*Мы шли молча по длинным травянистым улицам,
лежащим поверх воды, мимо больших и маленьких хижин,
куда-то в направлении центра этого странного,
спрятанного от чужих глаз города.
То и дело навстречу Лихо выходили индейцы-ацтеки
и почтительно склонялись перед ней, вставая на колени.*

— Мама, почему они тебе кланяются? — прошептал я.

— Ацтеки с большим почтением относятся к твоему деду, — ответила мать. — Их вождь Тупак Амару — старейшина совета племен — принимает его как *священного гостя*.

— Священного гостя? — с удивлением переспросил я. — Но это же высшая честь! Священный гость принимается индейцами всех племен, даже враждующих с его народом, как принц крови...

Лихо ничего на это не ответила.

— Мы идем во дворец Тупака Амара, — только и сказала она. — Сейчас твой дед живет там.

Молча мы дошли до дворца. Огромное здание поражало своим величием. Издалека оно казалось мне большим, но здесь, у входа, предстало просто гигантским — величественная колонна, декорированная резной костью, инкрустированная золотом и разноцветными камнями, устремлялась в самое небо.

Воины, охранявшие лестницу, ведущую во дворец, пропустили нас без всяких вопросов или заминок. Они чинно поклонились Лихо, внимательно посмотрели на меня и пропустили. Я

был потрясен внутренним убранством дворца. Все стены от пола до потолка покрывали диковинные рисунки, множество цветов и чучел животных.

Мы поднялись наверх по боковой винтовой лестнице.

— Хенаро проводит большую часть суток в реальности сновидений, — сказала Лихо, когда мы оказались перед небольшой дверью. — Подожди меня здесь.

Сказав это, Лихо скрылась за дверью, а я остался стоять в коридоре.

Я должен узнать у Хенаро, где мне искать отца. Я пропал из сновидений, и конечно, они забеспокоились. Но я не понимаю, о чем они пекутся. Просто хотят сохранить мне жизнь? Но что ей угрожает, кроме неясных, смутных предчувствий и множества непонятных совпадений и знаков? Или у них есть какой-то план?..

Может ли быть, что дед отправил меня в Россию не случайно? Что, если это сделал именно он? По его мнению, я должен был выполнить там какую-то миссию? Но если да, то какую? И что значит эта загадочная фраза матери: «Ты так и не остановился»? Что значат ее слова о том, что меня «поглотила» какая-то «цель», что меня «больше нет»?

И тепер я здесь — в этом забытом, скрытом, тайном мире ацтеков. В самом центре мира самых кровожадных индейцев планеты, во дворце их вождя — Тупака Амара. Хенаро хочет вернуть меня в реальность сновидений с помощью ацтекских обрядов? Как же это все странно! Как нелепо... Мне трудно поверить в реальность происходящего.

Я думал, думал, тщетно пытался собрать воедино разрозненные части картины. Словно игрался в пазлы, вырезанные из моих собственных мыслей, воспоминаний и фактов. Мне все больше казалось, что реальность живет по тем же законам, что и сновидение. Но в отличие от сновидений ее невозможно контролировать. Она — хаос.

Знаки, говорящие браслеты, странные слова из уст самого близкого, самого дорогого мне человека. Все эти бесчисленные люди, которые верят — кто в отца Набора и скорый Конец Света, кто в Святую Деву Гваделупскую и Иоанна Павла II, кто в целый пантеон древних богов, кто в Скрижали Завета и Источник Света...

«Своим умом» — вспомнил я слова старухи. А и действительно, кто живет своим умом? Кто?! И отец говорит мне, что этот мир необходимо спасти, что нужно взять под контроль силу, которая способна его изменить, сделать лучше, дать людям то, в чем они на самом деле нуждаются. Я знаю Скрижали, нужно только...

— Анхель, войди... — дверь распахнулась, и Лихо пропустила меня в комнату Хенаро.

Секунду я стоял на пороге, ощущая какое-то странное, почти физическое препятствие перед тем, чтобы войти внутрь. Надо собраться... Собраться... Собраться...

Первое, что бросилось мне в глаза, — огромное окно с видом на величественные горы, изумрудный лес, прозрачно-голубое озеро и полуфантастический плавучий город ацтеков.

У самого окна на большом топчане, глядя на этот странный и загадочный мир, лежал Хенаро. Он стал совсем старым. Длинные, абсолютно седые волосы, осунувшееся лицо — заостренный нос, отчетливо проступающие скулы, высокий лоб.

Увидев деда, я замер. Он действительно был похож на царя — старого, умирающего, великого царя, оставляющего свое царство неразумным преемникам-сыновьям. Так больно было смотреть на него, увядающего в этом великолепии...

— Дед, — прошептал я. — Дед... Хенаро чуть повернул ко мне голову и глазами показал, чтобы я подошел и сел рядом.

— Как ты?.. — спросил я, садясь рядом на небольшой стул.

В ответ он едва заметно улыбнулся, отнял от груди руку и погладил меня по волосам.

— Бывало и лучше, Анхель...

В этих словах звучала какая-то обреченность. Спокойное, сдержанное отчаяние человека, приготовившегося встретить неизбежное и абсолютное несчастье.

— Лихо, ты оставишь нас? — сказал дед, обращаясь к матери, не поворачиваясь в ее сторону.

Та, не сказав ни слова, вышла, закрыв за собой дверь.

— Дед, вы переехали сюда. Зачем?..

— Тебя всегда интересовали мелочи, — пошутил дед.

Действительно, где мы находимся и что с нами происходит — это для Хенаро всегда было «мелочью». Наша истинная жизнь — там, в пространстве сновидений. Какая разница, где мы находимся *физически*?

— Господи, дед! — прошептал я. — Как я рад! Увидел тебя — и сразу стало легче... Я совершенно запутался. Совершенно запутался.

— Ты не виноват, — спокойно ответил Хенаро. — Ты не виноват.

— Но как мне быть? Помоги... Есть что-то, чего я не знаю?

Мне страшно было спрашивать Хенаро об отце напрямую. Ведь если мои догадки верны, то, значит, они долгое время меня обманывали. Он обманывал. А допустить это, думать так... Нет, пусть сам мне все расскажет. Все, что считает нужным.

— Все мы чего-то не знаем, — уклончиво ответил Хенаро.

Я насторожился:

— Но ведь есть что-то, что мы должны знать...

— Я всегда считал, что было бы лучше, если бы тебе не пришлось узнать об этом. — Хенаро отвел глаза в сторону и уставился в окно — задумчивый, напряженный, но при этом внутренне спокойный.

Лгали... Точно — лгали. И это его молчание в ответ на мой вопрос. Что может быть красноречивее такого молчания?!

— У меня мало времени, Хенаро, — сказал я, с трудом пряча свое негодование. — У меня есть миссия, которую я должен выполнить. Так ты скажешь мне о том, что мне «было бы лучше не знать»?

— Миссия... — протянул дед и через секунду добавил: — Хочешь изменить мир.

Это словосочетание, предельно точно обозначавшее суть моих мыслей и чувств, прозвучало в устах Хенаро как неопровержимый факт. Словно он знает все, что происходит в моей голове. Наверное, это должно было меня обрадовать, но нет — стало еще беспокойнее и тяжелее на сердце. Неприятное чувство от осознания того факта, что за тобой бессовестно шпионят, нарастало во мне с новой силой.

— А что в этом плохого?! — меня захлестнула волна раздражения. — Да, я хочу. Я хочу изменить мир!

Хенаро снова посмотрел на меня своими большими, уставшими глазами.

— Анхель, есть реальность сновидений, — уверенно сказал он. — Мир, в котором ты обладаешь силой. Этот мир — твои сновидения. А есть другой мир — вокруг, где ни у кого нет силы...

— Нет силы? — перебил его я.

— Нет силы, — подтвердил дед. — Ведь, прикладывая силу, ты никогда не знаешь, каким будет результат. Потому что тысячи, миллионы людей в этот же самый миг прикладывают свои силы. И все их действия накладываются друг на друга. Эти силы сталкиваются, находят одна на другую, одна к другой...

— Ты хочешь сказать, что сила каждого из нас в этом мире уничтожается?..

— Она возвращается к тебе неким результатом, но это не результат твоей силы, это результат мира. Твоя сила только исходит. Возвращается к тебе иное... Этот мир — хаос, Анхель. И пока люди не объединятся, они ничего не смогут сделать.

— А они не объединятся... — добавил я, ощущая жгучую боль внутри.

Я думал в этот момент о себе и о тех, кого до сих пор считал своими близкими, — о своих родных, единомышленниках и друзьях. О всех тех, кто теперь стал для меня врагом, оказался по ту сторону баррикады.

— Они *не объединяются*, — тихим голосом поправил меня Хенаро и повторил, словно бы хотел, чтобы я лучше это понял: — Не объединяются.

— Но разве нет другого пути? — я недовольно пожал плечами. — Разве людям обязательно объединяться между собой? Разве путь к цели просветления — это лишь внутренний труд человека, самосовершенствование? Разве чудо невозможно?! Нет?!

— Поль любил это слово — *чудо*, — прошептал Хенаро.

Я вострепнулся, ожидая, что Хенаро наконец расскажет мне о моем отце. Хоть что-нибудь... Но нет, он молчал.

У меня пересохло в горле.

— И он нашел способ? — буквально прохрипел я.

— Способ? — повторил за мной Хенаро. — Это стоило ему жизни.

Мои губы задрожали:

— Но он нашел его, да?

— Это стоило ему жизни, — повторил дед. И вдруг я с новой, еще большей силой ощутил недоверие к словам Хенаро.

— Но почему я ничего об этом ничего не знал?

— Тебя тогда еще не было, — сдержанно ответил Хенаро.

— Но я же вернулся потом из России, после обучения, ты мог бы мне сказать...

— Тебя совсем еще не было, — прошептал он.

— Как не было? — я не понимал, что он имеет в виду. — В каком смысле не было? Это не когда я уезжал... Но когда же в таком случае?

— Я сказал, — ответил Хенаро.

— Это было еще до моего рождения?! — я чуть не задохнулся от волнения.

— Теперь ты знаешь, — ответил Хенаро. — Поэтому я и забрал тебя у Поля.

В моей голове все спуталось. Я уже ничего не понимал. Мой отец умер еще до моего рождения?.. Поль?! Но я же его видел своими глазами на протяжении почти двадцати лет! Что за бред? Разве такое может быть?!

И пока я метался внутри собственной головы от одной мысли к другой, пытаюсь хоть как-то сопоставить известные мне факты со словами Хенаро, он продолжил:

— Белые люди говорят, что есть белые и черные шаманы. Я не знаю, что это. Но есть разные шаманы, это правда. Одни верят в реальность сновидений, другие — в то, что жизнь — это сновидение.

— Я не понимаю...

— То, что мы видим во снах, колдуны видят наяву, — продолжал Хенаро. — И то, что они видят, — это духи умерших, духи, которых эти колдуны считают божествами. «Духи умерших — вот сила, которая истинно царствует в этом мире. И с каждым днем, с каждым часом их становится все больше и больше!» — это скажет тебе любой колдун. Один из них рассказал об этом и твоему отцу.

— Духи умерших — реальная сила, действующая в этом мире?

— Колдуны пытаются сговориться с духами умерших, — Хенаро побледнел, — заручиться их поддержкой и силой. Если это произойдет, то, как говорят колдуны, уже не во снах, но здесь — в реальном мире обычных людей — можно будет достичь любой цели. Контроль реальности.

— А у отца была цель... — прошептал я, начиная понимать, к чему клонит Хенаро.

— А у твоего отца была цель, — повторил он.

— Он хотел сделать всех людей счастливыми...

— Он хотел изменить этот мир, — снова повторил Хенаро. — Поэтому он поехал искать тех, кто откроет ему страшную тайну — доступ к силе, которой обладают духи умерших. Он поехал к колдунам Вуду.

— К колдунам Вуду?! — меня бросило в жар. Колдуны Вуду способны на страшные вещи и очень опасны. Они, как говорят, обладают рецептом некоего порошка, который способен убить часть человеческого мозга — ту, без которой невозможно самосознание человека. Таким образом, они превращают людей в зомби и используют их в своих интересах.

Происходит это следующим образом. Человека осыпают этим порошком, после чего он как будто умирает. Все признаки смерти налицо — никаких реакций, ни дыхания, ни сердцебиения. Разумеется, родственники хоронят такого «покойника». А злоумышленники раскапывают могилу, проводят положенные ритуалы над «умершим», и он воскресает, но теперь уже как зомби — человек, лишенный самосознания.

Рассказывают, что бывший диктатор Гаити, где Вуду признана официальной религией, пользовался этим порошком буквально в промышленных масштабах. Благодаря стараниям Жана-Клода Дювалье тысячи людей были превращены в зомби. Эти несчастные за одну похлебку трудились на бескрайних тростниковых плантациях диктатора.

Страшная правда и необъяснимый факт, но Ватикан признал Вуду одной из ветвей католичества. Вуду действительно используют некую христианскую символику, но верят они в духов, а не в Господа Бога. В общем, остается только догадываться, какой силой, властью, каким влиянием обладают колдуны Вуду.

— Хенаро, отец был у колдунов Вуду?! — переспросил я, не в силах сдержать эмоции. — Он был у них еще до моего рождения?!

— Ты видел когда-нибудь своего отца спящим? — спросил Хенаро, повернул голову в мою сторону и внимательно посмотрел мне в глаза.

— Спящим?.. — не понял я, пытаюсь припомнить — было ли такое. — Нет, кажется, не видел. А что?..

— Зомби никогда не спят.

Из глаз Хенаро покатались слезы. Никогда прежде не случалось ничего подобного. Мой великий дед смотрел на меня и плакал. Смотрел и плакал. Я никогда не видел его слез.

«Зомби никогда не спят» — эта фраза прозвучала как выстрел.

Нет, Хенаро произнес ее не громче других своих слов. Нет. Он просто сказал то, что сказал. И когда я услышал это, я подумал не об отце, который, если верить Хенаро, был превращен колдунами Вуду в зомби. Нет, я подумал не о нем...

«Зомби никогда не спят».

За считанную долю секунды я понял, что со мной происходит.

Могильный холод схватил меня за ноги, волной пошел вверх, через живот, грудь, сжал шею и ледящим ужасом ударил в голову... Мои руки дрогнули, глаза остекленели.

Я — зомби.

*Я встал и не говоря ни слова
вышел из комнаты в коридор.
Я не мог... Я не знал... Шок.
Десятый день моей бессонницы.
Правда о моем отце, который
искал власти над истинными силами мира
и угодил в плен к колдунам Буду.
Его отчаянный зов в моей голове,
его призывы: «Найди и спаси!»
Мои мать и дед, которые бросили все,
чтобы оказаться здесь — в городе ацтеков.
Они спрятались... От меня.
Я превращаюсь в зомби.*

«Поль очень любил это слово» — все еще звучали во мне слова деда.

Да, отец любил это слово: «чудо». Он оставил родную Францию в поисках чуда. Он поехал искать его в Латинскую Америку. Он хотел изменить мир. У него была цель. Это стоило ему жизни. Его жизнь забрал колдун Вуду.

«Ты так и не остановился», «цель поглотила тебя», «жертву ты принес сам»...

Теперь я понял смысл тех слов, которыми встретила меня мать. Понял причину ее тоски, ее скорби. Она встретила покойника. Второго зомби в своей жизни. Сначала мужа, теперь — сына. Она в отчаянии. Она теряет меня. Я ухожу и другой мир.

«Убить кого-нибудь задумал? — прозвучал в моей голове голос старухи. — Сдохнешь ты скоро. Вижу, что скоро. Совсем скоро. Прощай! »

— Мама! — этот крик отчаяния сам собою вырвался из моей груди, как если бы я тонул и на одно лишь мгновение показался над поверхностью воды. — Мама!

достичь той степени просветленности, при которой в общем хаосе мира ты будешь слышать лишь свое сердце, обретишь непривязанность и станешь предельно открытым.

Таков единственный путь. Только в этом случае истину твоего сердца услышат другие, и только такая твоя проповедь, проповедь сердца, способна изменить мир. Это обязательное условие. Поэтому забудь о миллионах, думай лишь о себе и о своем месте в мироздании, дисциплинируй себя и совершенствуйся — остальное произойдет само собой.

Отца этот ответ, конечно, не устроил. Ему казалось, что этот путь им уже испробован, но это не привело его к желанной цели. Поль родился и вырос в религиозной семье, с детства он верил в божественную проповедь Христа и Его учение. Но с годами он многое понял и все переосмыслил. Его прежняя вера приобрела иное звучание и иной смысл.

Христос говорил с людьми на языке сердца, и ответом Ему было — распятье. Так люди платят за слова, исходящие от сердца. Язык сердца — это не та дорога, которая ведет к чудесному преобразению мира, это путь на Голгофу.

Так что словам Хенаро Поль не поверил.

Людям приятно думать, что в их сердцах скрыта истина. Может быть, где-то очень глубоко, но где-то там она есть. Нужно лишь приложить усилия, и она объявит себя.

Но что это за теория, если не банальное самолюбование и глупое бахвальство людей, лениво и пассивно ожидающих манны небесной?..

«Во мне Свет! Во мне Истина!» — приятная ложь, которую с таким удовольствием повторяет всякий представитель рода человеческого, преодолевая тем самым свой главный комплекс — комплекс греха.

На самом же деле люди меркантильны и нелюбопытны, а поэтому, чтобы изменить их, нужно другое средство, куда более сильное, чем их собственные абстрактные желания Вселенского Счастья и безмятежного бытия в Свете Истины.

И тогда Поль отправился дальше. Он продолжал свои поиски, пока не оказался на Гаити...

Тут он нашел то, что искал. Он нашел настоящих волшебников — колдунов Вуду, которые не требовали «копаться в себе» и «самосовершенствоваться». Они предлагали простой и понятный путь: войди в контакт с духами мертвых и заручись их силой.

Поль познакомился с одним из таких шаманов и напросился к нему в ученики. Тот согласился принять его, но при одном условии — если Поль откажется от всего, что связывает его с этим миром. Поль согласился, и этот день стал началом конца. Но Поль понял это слишком поздно.

Колдун и не собирался учить моего отца премудростям своего искусства. Ему нужен был «белый слуга» — покорный и исполнительный, забывший себя и полностью подчинившийся хозяину. Для чернокожих — а вудуизм изначально африканский культ, на Гаити его основали рабы, завезенные с черного континента, — иметь «белого слугу» — большая удача.

Поль подвергся тайному обряду превращения в зомби. Колдун не стал делать из Поля животное, лишённое чувств и способности мыслить, как поступают с большинством жертв этой «религии», но уничтожил самые важные зоны его мозга — те, что отвечают за сновидения. Поль потерял естественный канал связи с реальным миром — с миром сновидений.

Без сна человек не может жить, он умирает по истечении десяти-пятнадцати суток. И конечно, смерть из-за отсутствия сна имеет особенную, не физическую природу. Человек, лишённый возможности оставаться один на один с реальностью истинного мира, а именно это происходит в сновидении, подобен растению, которое с корнем вырвано из почвы. Все его части вроде бы целы, но оно — уже мертвец, живой труп, зомби.

Таким стал мой отец.

— Мама, — прошептал я, слушая эту историю. — А я? А как же — я?

— Твой отец вернулся с Гаити, когда тебе было уже два с небольшим года, — Лихо бесчувственно, словно была в забытьи, покачала головой. — Он многого не помнил и говорил странные вещи. Хенаро принялся его выхаживать — проводил ритуалы и использовал... — Лихо запнулась.

— Что?..

— Он поддерживал твоего отца на искусственных свиданиях, — с трудом выговорила Лихо.

— Галлюциногенные грибы ацтеков? — догадался я.

— Да, сын, — ответила Лихо. — Именно поэтому у тебя долгое время был отец. Хотя, конечно, он был совсем не тем человеком, с которым я познакомилась, когда тебя еще не было. Не тот Поль, которого я любила...

— Мама, а какие странные вещи он говорил?

Лихо молчала. Ее и без того грустные глаза стали еще печальнее, в них появились страдание и тревога.

— Боюсь, ты знаешь, — ответила она спустя какое-то время, пока тянулась эта ужасная мучительная пауза.

— Мама, — прошептал я, — теперь я тоже умру?

Лихо заплакала. Она плакала долго — от неизбежного отчаяния, словно лишилась рассудка. Рыдания шли у нее откуда-то изнутри, рвали ее грудную клетку на части, словно воды горной реки, прорвавшие до того сдерживавшую их плотину.

— Мама... мама... — шептал я, целуя ее и обнимая плечи. — Мамочка, родная моя... Не плачь... Не плачь...

— Как я надеялась, что ты... что ты сможешь удержаться... — бессильно причитала она.

— От чего удержаться, мама? — я слегка отстранился, чтобы увидеть ее лицо. — О чем ты говоришь?

— Искушение целью... — ответила Лихо.

— Искушение целью? — переспросил я. — Ты снова об этом?.. Но я не понимаю...

— Когда тебе кажется, что ты знаешь — «как», руки начинают гореть, — Лихо утерла слезы тыльной стороной ладоней. — Человек слепнет, когда думает, что цель близка. Слепнет. Но это мираж. Мираж... Чем, тебе кажется, ты ближе подошел к своей цели, тем на самом деле она дальше от тебя. Это так, Анхель...

И тут на меня снова вдруг как будто бы что-то нашло. Насколько же все они любят говорить правильные слова! Как все *они* это любят!!! Но что на деле?! Мы сидим в самом сердце города ацтеков, о которых дед всегда говорил только в уничижительном тоне. Мать учит меня жить, но при этом, оказывается, врала мне с самого моего рождения! И так со всеми — с Данилой, с Андреем, с Гаптенем! Боже мой, как они все любят говорить правильные вещи!

Искушение целью... Да что она знает о моих искушениях! Я для Лихо все тот же ребенок, каким был и тридцать с лишним лет назад! Уже тысячи раз я отказывался от цели! Тысячи раз! И что с того?! Я терпел, мучился, терял смысл жизни! Я был на грани помешательства! Искушение целью... Это надо же! Да у меня нет никакой цели! Нет! Я просто хочу изменить этот мир! Просто изменить его — и все! Потому что он неправильный! Потому что все в нем говорят правильные вещи, но ни одно из них не стоит и...

Я задумался. Точнее, не задумался, а потерял мысль. Она остановилась, словно зашла в какой-то тупик. Черт! Зачем они меня сюда заманили?! Они собираются издеваться надо мной, как издевались над моим отцом? С чего они вообще взяли, что он оказался в услужении у колдуна Вуду? Может быть, это снова обман? Снова ложь?.. Может быть, он все-таки нашел свой *путь*, нашел способ?.. Да, и это стоило ему жизни. Но лишь по одной причине — у него не было Скрижалей?! Да, это так! Так!

А у меня есть Скрижали! Отец подготовил для меня Путь. И я пройду по этому Пути, чего бы мне это ни стоило. Я пройду по нему! Мир можно изменить, я чувствую это. И знаю! Знаю, что все возможно. Возможно! Хенаро не хотел мне этого рассказывать, но проговорился: главное — верить, что в реальности действуют законы сновидения. Верить, что этот мир полон силы, которая невидима глазом, но существует и способна творить чудеса! Главное — найти способ обуздать эту мощь, придать ей нужное направление, и мир изменится!

— Анхель, что с тобой? — Лихо посмотрела на меня с тревогой. — Ты меня слышишь?.. Что за спектакль?! Я встал с топчана и отошел в угол комнаты.

Неужели она может читать мои мысли? У меня началась настоящая паника. Да, она может читать мои мысли! Это совершенно точно! Она может узнать то, о чем я думаю. Иначе почему она так встревожилась?

Эти глаза... В них осуждение. Она считает меня недееспособным, безумным. Она думает, что я сошел с ума, что я — зомби. Но я не зомби! Нет! С чего они это взяли?

Да, я не сплю. Это нормально. Это бывает. Просто стресс, напряжение... Откуда этот взгляд? Я не давал ей никаких поводов. Никаких поводов!

— Ничего не случилось, мама, — сказал я с показным спокойствием в голосе. — Ты что? Ты что-то подумала плохое?..

— Нет, ну... — Лихо растерялась, это было заметно. — Просто ты так изменился сейчас. В одну минуту. Ты о чем-то подумал?..

Этот тон! Он всегда выдает лжецов! Человек пытается сделать вид, что он играет с тобой в одной команде, но на самом деле он лазутчик, шпион. Он ищет способа подловить тебя, склонить на свою сторону. Да, в открытой борьбе многого не выиграешь, но если так — ласково, незаметно, исподтишка, не толкая, но подталкивая, — тогда можно... И сейчас она говорит со мной именно таким тоном, словно я душевнобольной, овощ, который только и надо, что правильно окучить, срезать и приготовить! И это — моя мать!!! Господи, в каком же я дерьме! Гнусно! Гнусно! Ужасно гнусно!

Черт! Хочется мыться! Хочется мыться! Моя мать! Она предала меня! Она пытается манипулировать мною, склонить на свою сторону, воспользоваться моим замешательством и уговорить отказаться от цели... Да, уговорить меня отказаться от моей цели!

И то же самое она делала и с моим отцом! Теперь я все понимаю! Этот гнусный, предательский союз моей матери с моим дедом! Они были заодно. Как кукловоды, дергали моего несчастного отца за ниточки. Они хотели, чтобы он принял их точку зрения, следовал их наставлениям...

Боже мой, а вдруг они и убили его?! Вдруг это сделали они?.. Они! Не колдуны Вуду и не его болезни, а *они* — мои мать и дед...

Я отшатнулся назад, словно увидел перед собой разверзнувшуюся пропасть. Ужас. Меня обьял чудовищный, почти животный ужас!

Как они это делали?..

Они управляли моим отцом. Но как? Он ведь ни разу так ничего и не сказал мне! Ничего! Они заставили его молчать. Но каким способом?.. Просто обманывали? Или совершали какие-то ритуалы?! Они отравляли его организм? Пичкали какими-нибудь...

Грибы! Да, конечно! Псилоцибиновые грибы! Возможно, меня ждет та же самая участь! Боже мой, то же самое!

Я должен выведать у Лихо все подробности. Я должен узнать. Иначе... Иначе они и меня остановят, лишат силы, лишат воли... убьют.

— Анхель, с тобой правда все в порядке? — спросила Аихо. — Ты понимаешь, что ты нуждаешься в нашей помощи?

— В вашей помощи, — саркастично повторил я и тут же осекся.

Так я могу себя выдать. Надо подыгрывать. Нельзя показать им, что я обо всем догадался. Нельзя! Надо изображать смирение и покорность. Смирение и покорность. Надо со всем соглашаться! Нельзя показывать ни свои сомнения, ни то, что я знаю их планы. А я знаю...

Теперь я многое понял. Наконец-то! Все встает на свои места! Все предельно понятно! Да, Тьма есть! Конечно! Только это не то, что мы искали и «находили». Нет! Тьма — вот она...

Тьма — это люди. Все эти люди вокруг, которые уверяют меня в том, что я им дорог, что я им нужен, что они принимают меня всяким, «любым». Только пусть я откажусь от своей цели... Всего-то. И все будет замечательно! Все сразу будет замечательно! Я умру, но им это безразлично. Главное — я останусь с ними, в атом болоте! Я буду, как и они, тупо принимать пищу, болтать ни о чем и коротать дни, глядя на гибнущий мир. Нет!

— Я очень люблю тебя, мама, — сказал я и быстро подошел к Лихо.

Я обнял ее порывистым движением, чтобы она не увидела мое лицо. Она не должна видеть... Надо взять себя в руки. Надо собраться. Надо собраться!

— И я люблю тебя, Анхель... Очень сильно люблю. Очень сильно!

Как она умудряется так нагло, так беззастенчиво врать? Но ничего... Я справлюсь. Обязательно справлюсь...

— Надо что-то сделать, мама, да? — спросил я и чуть отстранился.

Лихо посмотрела мне в глаза — долго и пристально. Я стоял напротив и изо всех сил пытался принять безразличный вид.

Нет-нет! Безразличного не надо! Надо печальный, понимающий, страдальческий. Я должен их запутать, ввести в заблуждение, вызвать к себе сочувствие. Пусть они думают, что я все понял, все осознал, что я готов отказаться от своей цели и быть таким, как они. Быть — ими, жалким человечком, окруженным жалкими людшками.

Прекрасный план! Прекрасный! Страдальческое... Страдальческое выражение лица.

— Что-то сделать? — правая бровь Лихо медленно недоверчиво поползла вверх.

— Мама, не смотри на меня так. Пожалуйста... Мама, мне очень тяжело, правда... Мною владеют какие-то странные силы. Я не могу нормально думать и действовать. Это просто проклятие какое-то! — я начал жалостливо нести всякую чушь — театрально, трагически, только бы отвести от себя всякие подозрения. — Я понимаю... Я все понимаю, что ты говоришь. От этого надо как-то избавиться. Ты права! Но я не знаю — как! Но вы... Но вы с дедом сможете мне помочь. Ведь правда? Я хочу вернуться к нормальной жизни. Я хочу быть таким, как все. Цель поглотила меня, и я уже не я. Но я хочу быть собой, быть нормальным... Мама, помоги мне, пожалуйста...

Я настолько вошел в роль, что даже расплакался. Ну или почти расплакался — глаза намокли, губы нервно вздрагивали, пальцы судорожно сжимались.

— Я знаю, Анхель, знаю, — сказала Лихо, и мне показалось, что мой розыгрыш удался, что она поверила. — Я знаю. Это будет тяжело. Это не просто. Ты готов?

— Готов ли я? Ты еще спрашиваешь! Конечно, я готов, мама! Я готов на все, только бы вернуться в мир нормальных людей, только бы вернуть себе сон, только бы быть с тобой, мама! Я так устал! Я так жестоко, нечеловечески сильно устал!

Лихо все еще продолжала внимательно смотреть мне в глаза... Но, судя по всему, я смог ее переиграть. Лед тронулся. Она, кажется, попала на мой крючок. Теперь главное — не упустить! Главное — не упустить!

*Как я и предполагал, Хенаро и Лихо
не зря заманили меня в Тууакан-Пикчу,
в этот тайный город ацтеков.*

У них был план. И давно!

Они все продумали с самого начала.

*Подговорили Риго, чтобы он меня напугал,
направив в Куаутемок. А может быть,
они хотели, чтобы он меня отравил и таким,
уже без сознания, доставил сюда же?..*

*Да, очень может быть, но им не удалось
обвести меня вокруг пальца!*

Я обо всем догадался,

и тогда в ход пошел другой план.

*В любом случае мой приезд сюда был
тщательно срежиссирован, причем заранее.*

Я начал все понимать.

Единственное, что оставалось непонятным, — это их цель. Зачем Хенаро и Лихо разыгрывают весь этот спектакль? Возможно, они хотят превратить меня в послушное животное. Возможно, надеются преградить мне путь, не позволить спасти отца? Возможно, они его боятся...

Впрочем, может быть и другое: они рассчитывают довести меня до такого состояния, что я и сам захочу принести себя в жертву какому-нибудь из местных божеств... Тогда они смогут с

лихвой расплатиться с ацтеками за оказанное им гостеприимство. Моей кровью... Да, это очень возможно. Очень!

Ацтеки нуждаются в человеческой крови, иначе боги разгневаются на них. Почему бы в таком случае им не взять мою? Но возможно ли, чтобы мои родные вот так — расчетливо и цинично — меня продали? Возможно. Мир таков — в нем возможно все, что угодно, абсолютно все. Этот мир против человека. Против. В нем все пропитано эгоистическими желаниями миллионов людей, каждый из которых только и думает о том, как бы оторвать кусок побольше, добиться господства своей идеи. Это так.

Пора снять розовые очки. Мы не можем доверять даже самым близким, самым дорогим людям... Нам хочется, но это от слабости.

Правильно сказал Хенаро: в этом мире у нас нет силы. Потому сила, исходящая из наших сердец, встречается в нем со множеством других сил — чужими желаниями, мыслями, чувствами — и уничтожается.

Простой, до боли и оскомины на зубах простой пример: я люблю человека, а он меня — нет. Вот и ушла моя сила в песок, словно ее и не было никогда. Блеф... Она уничтожилась, стерлась, как карандашный рисунок ластиком. Пора посмотреть правде в глаза: в этом мире на тебя всем наплевать. А коли так, то в нем нет и не может быть силы. Ни у кого. Просто игра. Пустая, бессмысленная игра. Все понарошку. Ничего истинного, ничего настоящего.

И чем больше я думаю об этом, тем отчетливее понимаю: этот мир словно бы специально сделан для того, чтобы мы — каждый из нас — ощутил свою слабость, свою неспособность противостоять обстоятельствам, свою никчемность. Он ломает людей через колено, этот мир. Одиночество — его синоним, второе название. Но у него есть и другое название — Тьма!

Мать сама рассказывала мне об этом... Солнце породило Дракона, чтобы преодолеть свое одиночество, но Дракон вырос и сожрал Того, Кто дал ему жизнь. Так и мир... Свет создал мир, а мир погубит Свет. Круг замкнется.

А как иначе, если люди не объединяются просто так, но лишь для какой-то «общей» цели? Но это ложное единение, в нем нет внутренней силы, потенциала жизни и роста. Это не чистое объединение. Нет. И «общих» целей тоже нет.

Сила мгновенно исчезает, как только цель достигается. Каждый человек, получив то, что хотел, успокаивается, останавливается. А коли так, коли наши цели иллюзорны, то сила людей — смертна, она ничего не стоит, она — ложна.

Теперь я могу доказать это. Доказать как теорему. Как некую логическую задачку. Я все понял. Все. Ко мне наконец пришло прозрение.

Любовь... Мы столько говорили о любви, но что такое любовь? Просто двое соединятся ради одной «общей» цели — получения удовольствия друг от друга. Это может быть разное удовольствие — удовольствие от духовной близости или физиологической разрядки, удовольствие от взаимного общения или простого человеческого интереса.

Но, как бы то ни было, это не чистое объединение — «по любви». В его основе — меркантильное, эгоистическое желание. Каждый ищет в любви только одно — свое удовольствие, свое наслаждение, свой барыш. Но мы стесняемся признаться себе в своей заинтересованности и продолжаем твердить все извиняющее слово — «любовь»...

Мы поем дифирамбы своей любви, превозносим ее. Но если разобраться... Двое влюбленных движимы своим недостатком, своей неполноценностью. На самом деле они не влюбляются, нет! Они не созидают, не строят, они просто *бегут в любовь*... прочь от своего одиночества, своей недостаточности, неполноценности.

В своем чувстве любовники забываются. Любовь оправдывает и их слабости, и их несостоятельность, и их ничтожность. А красивые слова, миллионы раз сказанные и пересказанные о любви, — это только прикрытие, ширма, скрывающая неприглядное нутро. Все ложь. Даже любовь.

Я бесчувственно наблюдаю за тем, как моя родная мать готовит мою смерть. Суевливо, торопясь, нервно. Может быть, она и действительно верит в то, что хочет меня спасти? Может

быть... Но на самом деле ее направляет желание остановить меня, лишить меня движения, привязать к себе, не пустить к отцу.

Лихо хочет контролировать меня, решать за меня, думать за меня. Она хочет, чтобы я делал то, что она для меня выбрала, играл ту роль, которую она мне придумала. Верно, ей очень этого хочется, раз она так старается. Но нужно ли это мне?! Спросила ли она у меня?! Нет, не спрашивала. Даже не думала.

Она готовит ритуал, договаривается с местными шаманами. Мне дадут чашу с ядовитыми грибами, и я засну ложным сном. Ей кажется, что это неплохое решение — усыпить меня. А я знаю, что это плохое решение, потому что его цель — лишить меня воли, лишить силы, лишить возможности сделать то, что я искренне считаю важным.

Но что мне остается сейчас? Я подыгрываю ей. Подыгрываю, потому что все понял и все знаю. А если бы не знал, если бы верил ей? То я бы и не подыгрывая сделал все, о чем она просит.

Вот она — любовь... Самая большая ложь, о которой сказано столько замечательных, «правильных» и красивых слов.

Но я нашел в себе силы сказать «нет» всем этим ложным ценностям — псевдолюбви, псевдодружбе, псевдослужению. Я наконец понял о мире и о жизни все. Все понял. Настало время, когда я могу делать то, что считаю нужным. Я смог вырваться из этого замкнутого круга взаимного вранья, круговой поруки, лживых улыбок и фиктивных ценностей. Я говорю «нет» этому миру. Я говорю ему: «Нет!»

Я выберусь, я справлюсь. Найду отца, применю мои знания, активизирую Скрижали — и мир изменится. Да, он не будет той идеальной картинкой, на которую рассчитывают поборники ложных ценностей. Но зато он будет честным!

*Ночь спустилась на Тиуакан-Пикчу.
Сначала по периметру гор она полыхала
пугающим огненным заревом рваных облаков,
а потом в одно мгновение упала
на каменистые вершины темно-синей,
почти черной непроницаемой вуалью,
расшитой драгоценными серебряными нитями
мерцающих звезд. Стало холодно и жутко.
Кровожадный мир, спрятавшийся
от кровожадного мира...
Скрытый тьмой от тьмы.*

Внизу тусклыми бледно-желтыми огнями светятся хижины индейцев. Они слегка раскачиваются на слабых волнах озера, отчего кажется, что этот город парит в воздухе. Озеро, отражая небо, стало матово-черным и лишь местами поблескивает холодным сиянием звезд, словно бы лежащих на его дне.

По ступеням пирамиды в абсолютной тишине размеренно и чинно движется факельное шествие.

Ацтеки во главе со своим вождем — рослым, стареющим, но все еще сильным и величественным Тупаком Амаром — готовятся к ритуальному жертвоприношению. На них красивейшие одежды — яркие набедренные повязки, чеканные нагрудники, драгоценные украшения и многоцветное оперение диковинных птиц.

Страшная и одновременно завораживающая картина древнего культа. Нет, это не скоморошеские танцы у костра, какими развлекают приезжих туристов в мексиканских штатах с «компактным проживанием» представителей разных «этнических групп». Это самая настоящая духовная служба. Все по-настоящему.

Ацтеки, сохранившие верность своим богам, и благоговейном ужасе поднимаются на вершину пирамиды-храма, чтобы вознести молитвы и принести жертву. Как бы я хотел, чтобы в этот миг на эту пирамиду в этом факельном шествии поднимался весь мир... Весь! И не просто поднимался, а шел на заклятие!

В свете факелов я, одетый в белую сутану, иду вместе со своей матерью вверх по живому коридору. Кажется, что лестница пирамиды идет прямо в небо. Странная, завораживающая дорога в вечность. Там призывно мерцают мертвые звезды. Опрокинутый купол словно втягивает в себя. Во всем теле легкость и непонятная сладость.

Мать держит меня под руку — крепко-крепко, словно я сейчас убегу. Но куда мне бежать?.. Я решил действовать обманом. Я усыплю их бдительность, сделаю все, что мне прикажут, а потом незаметно выведу у Лихо и Хенаро, где мне искать отца. Это единственный шанс. Придется идти до конца.

Плоская площадка на вершине пирамиды. По размерам — небольшое футбольное поле. Справа и слева по сторонам, выходящим на север и юг, в несколько рядов выстроились воины. Перед ними на коленях стоят жрецы культа, одетые в кроваво-красные рубахи. Они держат в руках бубны, барабаны и что-то наподобие труб.

На западной части площадки, образуя своеобразный клин, стояли вожди, военачальники, священнослужители и старейшины ацтеков. В центре этого треугольника — верховный вождь ацтеков — Тупак Амар, а по левую руку от него — мой дед Хенаро.

Как он смог подняться на такую вершину? Он же был совершенно ослаблен...

И только я задумался об этом, как мой взгляд упал на массивный жертвенник, расположенный в центре площадки. По форме он напоминал большую ванну — черный от копоти и запекшейся крови, украшенный пугающим орнаментом. Резьба, инкрустации, золотые вставки — все рассказывало о Конце Света, о великих разрушениях мира, о смерти.

С любопытством ребенка я вглядывался в эти картины... И тут меня вдруг что-то потянуло приблизиться к этому жертвеннику, прикоснуться...

Совершенно не задумываясь о последствиях, я машинально шагнул к жертвеннику и услышал дрожащий бой барабанов. Уже через секунду сотни глоток издали долгий протяжный звук, монотонное гудение. Через мгновение его подхватили и люди, оставшиеся внизу.

Огромное ложе смерти. Завораживающее... Лечь в него и отдать богам свою кровь. Свою кровь и свою душу. Соединиться со Вселенной. Уйти в Небытие...

«Ты должен сопротивляться. Да» — я услышал в голове голос своего отца.

«Папа, ты здесь! — обрадовался я. — Ты снова со мной! Где ты был? Почему я не слышал тебя все эти дни? Я волновался...»

«Ты должен сопротивляться. Да, — тревожно повторил голос. — Ты отравлен. Вместе с едой тебе дали яд, Анхель. Да. Сейчас ты не чувствуешь боли и не испытываешь страха. Да. Все это яд, который дали тебе. Тебя принесут в жертву. Да. Тебя принесут в жертву. Ты умрешь. Умрешь».

Я растерянно огляделся по сторонам. Я окружен людьми. Вниз ведут сотни ступеней, и там тоже множество людей. Меня решили принести в жертву?.. Да, точно! Я же об этом думал. Думал! Как я мог забыть?! Да, меня отравили. Отец прав. Отец прав... Но как мне бежать отсюда? Куда?! Как я могу всем им сопротивляться?!

Абсолютно безразличные, пустые, ничего не выражающие лица. Я был испуган, но странное дело — я ощущал свой страх только на уровне мыслей, но не на физическом уровне. В моем теле не было ни напряжения, ни сердцебиения. Оно оставалось расслабленным и спокойным, словно и не мое вовсе.

Господи, что же они со мной сделали?! Что?!

В эту же секунду ко мне подошли, взяли под руки, подвели к жертвеннику и подняли по ступеням на его вершину. Все это произошло так стремительно, что я не успел даже воспротивиться этому. Уже через секунду я лежал прикованным к жертвеннику, а надо мной появились лица жрецов.

Они вились надо мной как стая диких, голодных, хищных птиц. Мне открыли рот, и я почувствовал, как горьковатая взвесь сама собой влилась в мою глотку и потекла в желудок. Звуки вокруг стали еще громче, еще надсаднее — надрывное гудение человеческих голосов, бой барабанов, удары в бубны, высокие, пронзающие слух голоса древесных флейт.

— Анхель, — услышал я прямо над головой голос Хенаро, — сейчас ты пройдешь очистительный обряд. Он поможет тебе проникнуть в реальность сновидений, увидеть

истинный мир, ощутить свою связь с ним. Это придаст тебе силы. Только не сопротивляйся, доверься... Я буду с тобой.

— Меня хотят убить?.. — прошептал я.

— Нет, — ответил Хенаро.

И я увидел, как блеснули в свете факелов металлические лезвия.

Часть третья

*Я оказался в длинном коридоре,
похожем на большой, изгибающийся
в пространстве тоннель.
Он уходил куда-то вдаль...
То ли вверх, то ли вниз, то ли в сторону.
Непонятно. И там — вдали — было что-то.
Из своеобразного отверстия,
словно из какой-то огромной щели,
лучился необыкновенный, притягательный,
теплый, манящий свет.
— Тебе кажется, ты все понял?*

Этот вопрос звучал ниоткуда — не сверху, не снизу, не справа, не слева, и даже не во мне самом. Он звучал ниоткуда.

— А что я должен был понять? — я насторожился и на всякий случай еще раз огляделся по сторонам.

— *Запомни, что ты ответил,* — сказал тот же голос. — *Если бы ты все понял, ты бы ответил по-другому...*

Было неприятно чувствовать себя как на допросе. Возникло ощущение, что меня экзаменуют, «ловят на словах». Кто бы это мог быть?

— Но... А как я должен был ответить? — спросил я, продолжая взглядом искать говорившего.

— *Запомни, что ты сказал сейчас,* — продолжал голос. — *Если бы ты был таким, каким хочешь быть, ты бы не спрашивал чужого мнения о том, как тебе следует отвечать...*

О чем это говорит мой загадочный невидимый собеседник? Если бы я был таким, каким я хочу быть, то я бы не спрашивал чужого мнения... Что это значит?

— А ты знаешь, каким я хочу быть? — я недоуменно пожал плечами.

Голос тут же ответил:

— *Запомни, что ты сказал сейчас. Твой ответ говорит о том, что тебя — двое, иначе бы ты не понял моих слов...*

Меня — двое? Я раздвоен? Расщеплен?.. Да, наверное, это так. Наверное. Когда человек целостен, он должен чувствовать себя по-другому. Он должен радоваться. Да. Он должен радоваться, а я не могу.

Моя душа неспокойна. Мне необходимо найти отца, узнать его тайну, пройти его путь, сделать то, что завещано, открыть Скрижали. И тогда... Я буду тем, кем я хочу быть. Я не хочу быть расщепленным, я хочу подлинного единства самим собой.

— Но кто ты? — я вдруг испугался. — С кем я говорю? Я тебя не вижу...

— *Видишь,* — спокойно ответил голос.

— Но где же? Где?

Голос ничего не ответил. Мне показалось, что он разочарован. Мои слова ни разу не попали в точку. Напротив, я наговорил всякой ерунды...

— Ты еще здесь? — обеспокоенно спросил я. — Ау!

— *Я всегда здесь...*

Тут мне вдруг отчаянно захотелось что-нибудь еще узнать у этого голоса. Словно ему известна какая-то тайна, что-то, что мне нужно обязательно знать. Обязательно! Но что

именно? Я не понимал и поэтому не мог задать своего вопроса. Но он у меня был! Был! Это совершенно точно!

Случается так: вертится что-то на языке, а что — не поймешь, уловить не можешь — только нащупаешь и сразу теряешь.

Я силился, пытался как-то собраться с мыслями. Но чувствовал, что время уходит, что оно торопится немилосердно, ускользает сквозь пальцы, тает, как снежинка на ладони, что его совсем мало осталось. Оно истекает...

Мне все больше и больше становилось не по себе.

— *Что значит: мысль там, куда ты идешь?* — вдруг спросил голос, не дождавшись моего вопроса.

— Мысль?.. — я задумался. — *Что значит: мысль там, куда я иду?*

Если я иду к Свету, к Новому Миру, если я иду к Просветленности, то мысль, наверное, не значит там ничего. В мире духа нет места рациональности. Мысль видит в пространстве Истины лишь парадоксы. Да, только парадоксы, потому что Истина невыразима в словах. Она не от разума, Истина — от Бога. Нельзя осмыслить духовное. В духе возможно лишь чистое присутствие.

Как сон и явь не соприкасаются друг с другом, как жизнь и смерть лежат в разных плоскостях бытия, так и мысль не соприкасается с духом. Это две абсолютно разные, несравнимые и несопоставимые формы существования.

Об этом ли меня спрашивает голос?..

— Наверное, нет, — пробормотал я. — В смысле, что... Она ничего не значит там, куда я иду.

— Так можно ли прийти туда путем, который создан мыслью?

Я был обескуражен. Действительно! Как я не догадался об этом раньше? А ведь это же лежит на поверхности. В сферу духа нельзя пробраться дорогой размышлений, логикой. Мысль — это препятствие к Просветлению. Так, и никак иначе. Путь к нему не может быть выстроен мыслью! Мысль только заграждает дорогу. Да, конечно! И я всегда говорил об этом Андрею. И Даниле я говорил...

— Нет, нельзя! — воскликнул я. — Конечно нельзя! В мир духа нельзя прийти дорогой мысли. Конечно!

— Запомни, что ты сказал сейчас...

Но секундочку... К чему весь этот разговор? На что намекает говорящий со мной голос?.. Я сам хорошо это знаю, я прекрасно понимаю, что мысль и дух не переходят друг в друга и мостов между ними нет. Я хорошо это понимаю. Абсолютно! Зачем мне это говорить? Зачем мне задавать такие вопросы?..

И тут с каким-то странным звуком, который трудно описать, поскольку такой звук может быть только в сновидении, свет, лившийся до того из дальнего конца тоннеля, исчез. Его словно втянула в себя какая-то безумная сила, словно гигантская космическая черная дыра. В одно мгновение! Стало абсолютно темно. Будто я незаметно для самого себя моргнул, а когда веки поднялись, света уже не было. Непроглядная тьма.

— Ау! — закричал я... — Обернись, — попросил Хенаро.

Я обернулся. Он стоял сзади — помолодевший, как будто слегка искусственный, словно сделанный из воска, в странном люминесцирующем свечении. Все его тело словно было обернуто в световую матрицу искристого синевато-красного света — будто огонь газовой горелки, а вокруг все та же непроглядная тьма.

— Не похоже на сновидение... — недоверчиво сказал я, глядя в пустые, будто пластиковые глаза Хенаро. — По правде сказать, мне показалось, что я умер. Когда вы положили меня на жертвенник... Эти лезвия...

— По крайней мере теперь ты знаешь, что это не так страшно, — Хенаро как-то странно, двусмысленно улыбнулся, хотя, может быть, мне это только показалось. — Ты в искусственном сновидении. Оно почти такое же, как и обычное, только плоское.

— Плоское? — не понял я.

— Да, только плоское, — подтвердил Хенаро. — Все здесь происходит не в массе объема, как в обычном сновидении, а в пустом пространстве, которое кажется от этого плоским. Нет перспективы, нет деталей. Речь искажена, словно просеяна через сито. Слышишь это эхо?

— Слышу ли я эхо? — переспросил я и автоматически прислушался.

Да, действительно, мой голос давал странное эхо: «Слышу ли я эхо?.. Слышу ли я эхо?.. Слышу ли я эхо?..»

Словно мы заперты в огромной, просто гигантской комнате. Но я не видел ничего, кроме Хенаро — здесь, совсем рядом. Предположить, что мы находимся в таком большом помещении, можно было только теоретически. Кроме эха, не было никаких оснований так думать.

— Да, слышу... — подтвердил я через мгновение.

— Это искусственное сновидение, — спокойным комментирующим тоном сказал Хенаро.

— Понятно... Я задумался.

И что мне теперь делать? Куда идти? Как «работают» эти искусственные, «грибные» сновидения? В обычном сне ты всегда получаешь какую-то подсказку, которая указывает тебе правильную дорогу. Сон сам ведет человека. Нужно только знать, какова твоя цель, остальное происходит само собой. Но этот намек всегда в деталях. А здесь их нет?

— Хенаро, а с кем я разговаривал сейчас?.. — спросил я. — С тобой?

— Ты говорил с Источником Света, — невозмутимо ответил Хенаро.

— С Источником Света... — проговорил я почти по слогам и рассмеялся, настолько, по моим ощущениям, это звучало глупо, нелепо, неправдоподобно. — Хенаро, я говорил с Источником Света?! Да?!

— Да, — так же невозмутимо ответил дед.

— Нет, — я продолжал натужно смеяться, но что-то во мне уже дрогнуло. — Ты меня разыгрываешь... Ведь так? Разыгрываешь?..

— Нет, — как робот ответил Хенаро.

— Не может быть... — прошептал я.

У меня началась паника. Не знаю, правда, что смущало меня больше. Может быть, мне было трудно представить себе, что это в принципе возможно — мой разговор с Источником Света. А может быть...

Разве возможно, чтобы мой разговор с Источником Света был *таким*? Станный разговор, оставивший у меня неприятный осадок и смешанные чувства. Источник Света не должен был так со мной говорить. Со мной Он говорил бы по-другому. Нет, этот голос не мог Ему принадлежать. Он ловил меня на словах, словно специально выискивал в моем мировоззрении ошибки и огрехи. Он словно обвинял меня в чем-то...

Нет-нет! Исключено! Голос, с которым я разговаривал, не мог быть голосом Источника Света! Просто не мог! Конечно!

Если бы я действительно общался с Источником Света, разве Он стал бы задавать этот дурацкий вопрос об отношениях мысли и сферы духа? Нет, не стал бы. Он бы знал, что я хорошо понимаю это и не нуждаюсь в разъяснениях. Он бы не стал меня поддавливать, экзаменовать и говорить: «Запомни, что ты сказал». Я не давал Ему поводов так со мной разговаривать. Я этого не заслужил. Это неправильно...

— Хенаро, нет, — я поднял глаза и посмотрел на деда, который за эти несколько мгновений существенно уменьшился в размерах и превратился в свою собственную маленькую восковую копию, окруженную все разрастающимся синим пламенем. — Это неправда. Ты мне лжешь... Ты все это специально подстроил! Ты хочешь меня пристыдить и запутать! Ты боишься, что я вернусь к своему отцу и узнаю правду! Скажи — так?! Это так?! Так?!

— Ты говорил с Источником Света, — повторил Хенаро, на глазах обращаясь в крошечную фигурку, исчезающую в никуда, как испаряющаяся капля воды на раскаленной поверхности.

Я остался в кромешной темноте.

— Ау! Есть здесь кто-нибудь?! Ау!!!

Никого.

Я сделал несколько шагов вперед — неуверенно, боясь наткнуться на какое-нибудь препятствие. Но нет, никаких препятствий. Я развернулся и пошел назад. Метнулся вправо, влево. Еще и еще... Побежал. Я все так же боялся наткнуться на какую-нибудь неразличимую в темноте стену. Никаких стен или препятствий. Ничего и главное — *никого*. Абсолютная пустота и абсолютное одиночество. И тут страх сменился отчаянием. Совсем один. Совсем. Ни одной живой души. Бесконечное пространство и непроглядная тьма. Меня объял ужас. Нет, все-таки я умер. Это смерть.

Данила как-то говорил, что в детстве он пытался представить себе — как это, когда ты умрешь. Ты умираешь, и тебя больше нет. Просто нет, и все. Совсем.

Нет, он ошибся. Он был не прав. Смерть страшнее: ты есть, а вот вокруг тебя — никого, абсолютная пустота. Ты есть, а ничего нет. Это смерть...

Мне стало так жутко, так больно, так невыносимо тяжело на душе... Впрочем, даже не на душе. Я вдруг почувствовал, что моей души не стало. Остался только крик, только застрявший где-то глубоко внутри крик...

Неужели это действительно все? Конец?.. Или нет, это только начало?.. Ужасающее начало вечного ужаса. Сколько это будет продолжаться? Вечность?..

Перед моим отъездом Андрей говорил про одиночество: человек не может быть один и он нуждается в одиночестве.

Я сбежал, потому что нуждался в одиночестве. Но теперь я ощущаю его и понимаю, что просто не могу быть один. Не могу! Он был прав. Прав! Почему я не послушал его?!

Абсолютное Ничто. Это не-вы-но-си-мо!!! Смерть...

— Все чего-то ходит... Все ищет чего-то... — недовольный, ворчливый старушечий голос прозвучал для меня как величайшее обретение, как голос самого Господа Бога.

Я обернулся и, потрясенный, застыл в полной растерянности.

Старуха, та самая, с автобусной остановки, в которой я узнал свою смерть... Она ходила в нескольких метрах от меня, слегка ссутулившись, и разбрасывала вокруг странно поблескивающий в темноте порошок.

— Не спится? — ехидно пошутила она, продолжая деловито «сеять» в моем искусственном сне свой магический порошок. — Все бы уже закончил, да и делу конец. А то все играется, играется...

— О чем вы говорите? — прошептал я. — Что закончил?..

— У всякого есть свое дело, — равнодушно заметила старуха. — Вот свое и закончи.

Мне почему-то показалось, что старуха намекает на мою смерть.

— Умереть? — спросил я. — Я должен умереть?

Старуха уставилась на меня как на душевнобольного.

— Умереть? — повторила она и презрительно скривилась. — А ты знаешь, что такое смерть?

Мне стало дурно. Казалось, хуже уже быть не может. Не может... А стало хуже. Господи, сколько же я могу это выдержать?.. Мысли, мысли... Слова... Слова...

Прежде я был уверен, что запутался, но теперь даже это определение не отвечало моему состоянию. Я не просто запутался или растерялся. Я потерял всякие ориентиры.

Я разрушен, погребен под руинами своих собственных мыслей, чувств, своего мировоззрения, психологии. Я превращен в толченую крошку.

Слова в моем мозгу утратили всякий смысл. Старуха спрашивает: знаю ли я, что такое смерть? Но я уже не знаю даже, что такое жизнь...

Лечь и умереть — вот единственное, что бы мне хотелось сейчас. Просто лечь и умереть, прекратить это. Этот ужасный, этот чудовищный кошмар! Но как?!

— Не знаешь, так спроси у него, — встав на цыпочки, старуха прошептала мне это в самое ухо.

Я опустил глаза и увидел, что она протягивает мне открытую морщинистую ладонь. А на ней, на этой страшной старушечьей ладони, лежат восковая фигурка, пучок волос, стянутых

красной шерстяной нитью, свечной огарок и круглый амулет из темного камня, с отверстием и каким-то непонятным витиеватым рисунком.

У меня тут же возникло странное чувство — захотелось прикоснуться к этим предметам, прижать их к себе, но я не хотел брать их в руки. В памяти всплыли слова этой старухи, сказанные ею еще при первой нашей встрече на той злополучной остановке: «своим умом».

Но сейчас, как и тогда, я не мог понять, что это значит — «своим умом». Эти слова словно бы просто повисли передо мной в воздухе и ничего не говорили — будто набор неизвестных мне иероглифов. Просто буквы, просто слова, и всякое отсутствие мысли...

И я отмахнулся от них как от какого-то нелепого наваждения, потянул руку вперед, чтобы прикоснуться к предметам, которые лежали передо мной на старушечьей ладони. Протянул и даже не успел заметить, как они сами собой оказались в моей руке. Но я не хотел их брать... Я поднял глаза и увидел, что старуха снова стоит на значительном удалении от меня, продолжая раскидывать вокруг блестящий порошок. — А что вы делаете? — спросил я.

— Рассыпаю каменную крошку, — безучастно ответила она, не отрываясь от своего занятия.

— А зачем?

— Отпугиваю мертвецов, — тем же тоном сказала она.

— Много их здесь?

Старуха подняла на меня удивленные глаза, досадливо хмыкнула и показала взглядом куда-то в сторону. Я машинально посмотрел в том же направлении...

Вдали, наверное, метрах в двадцати-тридцати от меня в бледно-желтом световом пятне виднелась фигура сидящего на крошечной подставке человека. Он сидел ко мне боком или даже почти спиной, так что лица его я не видел. А перед ним возвышалась Тень — огромная, холодная, тяжелая.

— Теперь ты понимаешь, что сила не внутри, а вокруг? — спросила страшная черная Тень.

— Да, — монотонно сказал человек, глядя прямо перед собой на эту страшную неподвижную тень. — Сила не внутри, сила вокруг.

— Папа! — закричал я и бросился к этому человеку.

Это был мой отец! Наконец-то! Я нашел его! Он в моем сновидении, а значит, он жив! Господи, какое счастье! Какое счастье!

— Папа!

Но Поль не слышал меня. Я подбежал к нему, но он не увидел меня. Дрожа всем телом, я провел рукой перед его лицом, но он не заметил этого...

— Папа, — прошептал я, и слезы покатились из моих глаз. — Это же я, твой сын — Анхель... Слышишь меня, папа? Я так скучал, так скучал... Мне тебя так не хватало, папа. Я пришел к тебе, слышишь?

Я встретил его — родного человека, а он не слышит и не воспринимает меня, словно бы меня и нет вовсе. Внутри с пронзающей болью что-то натянулось, какая-то последняя жила...

— Ты хочешь получить власть над этой силой, которая вокруг тебя? — спросила Тень.

— Да, — ответил Поль и едва заметно кивнул головой. — Я хочу.

— Ты хочешь изменить мир? — сказала Тень, словно бы удостоверившись в том, что она и так уже знала. — Тебе нужно чудо?

— Да, — подтвердил Поль. — Я хочу изменить мир. Я хочу, чтобы произошло чудо. Мне нужна эта сила.

— Но знаешь ли ты, что не так сложно завладеть силой, как удержать ее?.. — прогремела Тень.

— Я смогу, у меня получится, — ответил Поль.

— Но у тебя ничего нет для этого, — усомнилась Тень. — Ничего, кроме твоего желания, а этого мало. Желания — ветер. Они есть всегда, но они не ходят в том направлении, куда им указывают. Они идут лишь туда, где есть недостаток...

— Я чувствую этот недостаток, — сказал Поль, перебивая своего невидимого собеседника. — Поэтому я и пришел к тебе, чтобы ты дал мне то, что мне нужно, — силу изменить мир.

— Но когда я дам тебе эту силу, этот недостаток исчезнет и твои желания переменятся. Говорю тебе, одного желания — мало! — рассердилась Тень.

— Но ты же говоришь и другое — что желания будут всегда, — возразил на это Поль. — А если есть сила и есть желание, то ничего страшного не случится...

— Да, ничего страшного не случится, — тихо рассмеялась Тень. — Все страшное уже произошло.

— О чем ты? — спросил Поль.

— Ты ведь готов отказаться от всего ради своей цели, так? — понизив голос, заговорщицки спросила Тень.

— Да, я готов. Я уже говорил тебе, — уверенно ответил Поль. — Я готов отказаться от всего.

— Даже от Бога... — низкий, пульсирующий в пространстве голос Тени перешел в зловещий шепот.

— Если сила не внутри, а снаружи, то Бога нет, — спокойно ответил Поль. — Зачем ты спрашиваешь меня об этом? Я готов отдать тебе все — Бога, мою душу, мой ум. Назови свою цену...

— Мне не нужны ни твоя душа, ни твой ум, — безразлично оборвала его Тень. — Ума своего у тебя нет. Душа твоя тебе и так не принадлежит. У меня есть твоя жизнь. Этого вполне достаточно.

— Так чего же ты хочешь еще?

— Я хочу... — Тень замолчала, словно раздумывала над чем-то. — Я хочу, чтобы ты заложил жизнь своего сына.

— Жизнь моего сына? — удивился Поль. — Но у меня нет сына...

— Пока нет, — рассмеялась Тень. — Пока...

Что же это такое?! Я, до того стоявший как вкопанный перед своим отцом, отпрянул назад. Это прошлое?.. Я вижу то, что случилось с моим отцом много лет назад? Это как запись во времени?..

И тут я услышал в своей голове испуганный плач маленького Анхеля. Того мальчика, что я напугал в самолете. И встревоженный голос его отца: «Господи! Зачем вы его напугали?! Он же совсем маленький! Зачем вы это сделали?!» Я вспомнил, как отец защищал сына. Он делал это, хотя маленький Анхель и не нуждался в помощи, я ничем не угрожал ему. Но отец... Отец защищал сына.

— Я собираюсь изменить мир, — резко ответил Поль. — Мир! И мне нужна сила, понимаешь?! Мне нужна сила умерших. Теперь я знаю, что она есть. Я ее чувствую! И мне нужно только одно — получить доступ к этой силе! А ты меня спрашиваешь про какого-то моего сына, которого еще нет в природе!

— Уже есть... — с каким-то странным самодовольством сказала Тень. — Уже есть.

— Есть? — лицо Поля как-то странно дернулось.

Господи, да он же из воска!

Я только сейчас это понял, что сидящий передо мной Поль сделан из воска! Он — как фигура мадам Тюссо! Я машинально открыл свою ладонь и уставился на предметы старухи — восковая фигурка, пучок волос с красной нитью, свечной огарок и амулет из темного камня.

— Ну так что?.. — развеселилась Тень. — Может, передумаешь?

Поль молчал. У него есть сын. Он только что узнал обо мне. О том, что Лихо беременна мною. Его сын. Он понял это!

— Нет, — тихо, с напряжением в голосе сказал Поль. — Не передумаю.

Но Тень, говорившую с моим отцом, этот ответ почему-то не устроил. Ей не нравилось, что он заколебался.

— А если я тебе скажу, что твой сын — Избранник? — промолвила Тень. — Если я тебе скажу, что на него будет возложена миссия изменить этот мир...

— Нет, — прошептал Польш. — Сколько на это понадобится лет? Неизвестно. Но если я могу сделать это уже сейчас, зачем ждать? Нет, я не передумаю.

— А если я скажу тебе, что только он один сможет спасти тебя, когда настанет время? — Тень, казалось, предприняла последнюю попытку переубедить Поля. — Но он узнает, что ты его предал... Может, все-таки передумаешь?..

Польш молчал. Потом поднял глаза и посмотрел в темноту. Он смотрел так, словно лицо Тени не было от него скрыто, — он присматривался, щурился, отводил взгляд, потом снова смотрел. Кто эта Тень — я не знал. Но он знал, он видел.

— Если у тебя есть цель, ты не должен бояться жертвы, — отчетливо проговорил Польш. — Если у тебя есть цель, нужно быть готовым заплатить самую высокую цену. Ты требуешь у меня самое дорогое — мою жизнь, жизнь моего сына и, быть может, главное — расстаться со всякой надеждой на спасение, если моя цель не будет достигнута. Из этого я заключаю, что у тебя есть то, о чем я прошу тебя. А если оно у тебя есть, бери у меня все, что пожелаешь. Бери без разговоров. И закончим на этом...

— Ну что ж... — как-то опечаленно сказала Тень. — Ты обо всем предупрежден, со всем согласен. Значит — по рукам?

Я вздрогнул. Это же было много лет назад. Полю так и не удалось изменить мир. Он превратился в зомби. Его обманули!

— Нет, папа! Нет! — закричал я.

Но он меня не слышал.

— По рукам... — прошептал Польш.

— Вот такая история, сынок, — сказала старуха, посыпая пространство вокруг себя блестящей каменной крошкой. — Вот такая история...

Она подошла, разжала мою окостеневшую руку, высыпала себе в ладонь магические предметы — фигурку, волосы, свечу, амулет — и пошла прочь.

А я все так и стоял на месте как соляной столп. Вокруг снова была одна непроглядная пустота. Ни моего отца, ни этой страшной Тени, только удаляющаяся куда-то старуха...

— Постой! — тихо позвал я.

— Чего тебе еще? — рассерженно шикнула она и повернулась вполборота.

— Так я могу его спасти, да?

— Кого?!

Старуха сделала вид, что не поняла, о чем я. Но она поняла, я видел это.

— Моего отца, Поля. Того, что был здесь, разговаривал с Тенью...

— С какой Тенью? — на сей раз она сделала вид, что удивилась. — Он говорил с шаманом, а не с Тенью. С чего ты взял?..

Мне показалось, что я ослышался.

— С шаманом? — переспросил я. — Ты его видела?

— Видела, не видела... — заворчала старуха и снова повернулась, чтобы идти. — Вечно ты задаешь дурацкие вопросы... У тебя одни глупости на уме! Одни глупости!

— Ну ладно-ладно, хорошо, — я уже был готов со всем согласиться, не возражать и не спорить, нужно было, чтобы она мне ответила. — Так я могу спасти его? Скажи...

— Он тебя предал, — нарочито грубым тоном, каким читают нотации, сказала старуха. — Он тебя предал, понимаешь?! Предал и продал! А ты что меня спрашиваешь? Как его спасти?! Ты еще больший дурак, чем я себе думала! Тьфу!

Старуха сплюнула и пошла прочь.

Я смотрел ей в спину. Меня словно парализовало. И в то же время все внутри меня переворачивалось, словно цемент в бетономешалке. Мне было так плохо, так плохо... Это не передать никакими словами. Ужасно! Меня буквально выворачивало наизнанку — от злобы, от боли, от бессилия, от отчаяния, от нестерпимой муки.

Я ненавидел своего отца. Ненавидел! Всем сердцем. Я задыхался от ненависти к нему. Я ненавидел его так, как только можно ненавидеть. К самому лютому врагу у меня не могло бы возникнуть такой ненависти, такой злобы, такого призрания, как в эту минуту возникло у меня к отцу.

Почему мой отец совершил такую глупость? Мой отец... Как он мог?! Почему?!

— Постой! — закричал я вслед старухе, но она и не думала останавливаться, и я побежал за ней следом. — Постой! Подожди!

— Ну что ж ты за навязчивый червяк такой! — обозлилась старуха. — Не видишь, что ли, я — старая женщина! Что тебе от меня надо?! Вот прицепился глупый молокосос на мою голову! Чтоб у тебя язык отсох так мучить старую женщину! Тьфу!

— Постой... — бормотал я, не слушая ее проклятий и ругательств. — Я ведь могу спасти его, так? Могу?!

— Да зачем тебе спасать его?! — злилась старуха и гневно махала руками. — Какого черта?! Сволочь он! Бросил мать с новорожденным на руках! Ребенка продал своего! Куда ж это годится-то?! Ты сам-то подумай! Идиот!

— Ты не понимаешь, — продолжал я упрашивать старуху, приседая, пытаюсь заглянуть ей в глаза и хватая за руки, чтобы она не отворачивалась. — Просто... Он же не для себя этого хотел... Не для себя, понимаешь? Мир он хотел изменить... Это для людей.

— Мир он хотел изменить, — огрызнулась старуха. — Ничего я не понимаю, что ты говоришь, — она и не собиралась сдаваться, но ее раздражение стало меньше. — Мать с ребенком бросил — это я понимаю. Сына своего продал — это я понимаю. А мир изменить для людей — этого, убей бог, понять не могу!

— Нет, правда... — умолял я.

— Не понимаю, — буркнула старуха. — Не надо тебе его спасать. Не надо.

— Ну подожди же... Как тебе это объяснить?.. Я ведь тоже мог так... У него цель была. Она ему глаза затмила, поглотила его. И со мной может быть так. Понимаешь? Но разве бы я себя не стал спасать, если бы мог? Стал бы. Так, значит, я и его спасти должен... Понимаешь теперь?!

— Вот себя и спасай, — все так же ворчливо отнекивалась старуха. — Себя и спасай. Все.

— Нет, не все... — настаивал я.

— А я говорю — спасай! — заорала она, уставившись мне в глаза как разъяренный бык на тореадора. — Можно подумать, у тебя взор чистый! Себя спасай! Понял?! Цель, видите ли, отцу его глаза затмила... А твои что, чистые?!

— Мои — чистые, — уверенно сказал я. — Я должен его спасти! Понимаешь — должен!

— Ну и спасай, дурак такой! — старуха вырвала у меня из рук морщинистые пальцы и быстро зашагала прочь, раскачиваясь из стороны в сторону как утка.

— Но как?! — заорал я сквозь накатившие слезы.

Она не отвечала.

— Как?!!

— Как-как! — заорала она. — Убей этого шамана ко всем чертям. И все!

Я остолбенел. Неужели так просто?.. Просто...

— Убить этого шамана?.. — прошептал я.

— Я же говорила тебе! Как только увидела тебя, так и сказала! — кричала старуха, исчезая в темноте. — Сразу сказала!

«Куда едешь, сынок? — вспомнились ее слова. — Убить кого-нибудь задумал?» Черт!!!

*Я лежал с закрытыми глазами,
очнувшись от острой боли.
Она была разлита по всей поверхности тела,
словно меня положили в мешок с битым
стеклом и взбалтывали на протяжении нескольких часов.
Боль и запах гари. Отвратительный запах паленой кожи.*

Нужно открыть глаза. Но мне страшно. Что я увижу? Снова непроглядный мрак потустороннего мира? Я все еще сплю?.. Или купол неба, проткнутый миллионами звезд? Последнее мгновение перед смертью...

— Он приходит в себя! — воскликнула Лихо. — Хенаро, он приходит в себя!

— Мама... — я открыл глаза и увидел перед собой мать.

Она склонилась надо мной и зашептала сквозь слезы:

— Анхель, любимый мой мальчик... Как ты? Как?..

— Все нормально, мама, — просипел я пересохшим ртом. — Все нормально...

— Тебе надо попить, — засуетилась Лихо и отошла в сторону, чтобы налить мне воды.

— Тебе надо попить, ты потерял много крови.

— Много крови?..

Я наклонил голову, чтобы увидеть свое тело. Оно все было сплошь покрыто продольными разрезами и обожжено. Неприятное зрелище...

Тут мой взгляд скользнул дальше, и я внезапно столкнулся глазами с Хенаро. Он полусидел-полулежал в массивном кресле в углу комнаты и внимательно наблюдал за моими движениями.

Мы смотрели друг на друга — несколько секунд. Пять, от силы — десять. И не просто смотрели. Мы разговаривали, причем достаточно эмоционально и красноречиво.

Я понял, что он уже знает о моем решении. Как и обещал, он был со мной рядом в моем «грибном» сновидении. И решение, которое я принял, его не обрадовало. Но он принял его. Так я понял по его глазам. И еще я понял: он не хочет, чтобы Лихо что-либо знала.

— На, выпей, — Лихо подошла ко мне с кружкой, в которой плескалась красноватая жидкость. — Это поможет тебе вернуть силы.

Хенаро продолжал смотреть на меня — напряженно, сосредоточенно, задумчиво. Он словно бы изучал меня. Пытался понять, как я поступлю дальше, что буду делать, зная то, что знаю. По правде сказать, я бы тоже хотел это понять...

Я медленно глотал слегка горьковатое на вкус лекарство и искоса поглядывал на него.

— Ну как ты? — с нежностью спросила Лихо, присаживаясь на край моего топчана и заботливо убирая с моего лба волосы. — Знаешь, я верю, что тебе стало лучше. У тебя взгляд изменился. Совсем другой стал.

— Да, мама. Все нормально. Нормально. Я многое понял. Я узнал про отца... — тут я дернул глазами, чтобы увидеть деда, но на сей раз взглядами мы не встретились, он напряженно смотрел в окно. — Я понял, что все правильно. Я зря думал про вас плохо. Я понял, что отец... Что он поступил неправильно. Да. Вот что я понял.

— Мы пытались помочь ему, — Лихо склонила голову и уставилась в пол. — Но он сделал то, что сделал. Я не верю в Вуду.

— Не веришь? — переспросил я, оторвавшись от кружки.

— Не верю в том смысле, что они способны как-то повлиять на человека, — Лихо отрицательно покачала головой. — Я думаю, что сила Вуду — в человеческой слабости. Когда человек умирает по приговору колдуна Вуду, это происходит из-за страха. Человек боится наказания и сам убивает себя своим страхом. Это так.

Я посмотрел на деда. Но Хенаро оставался безучастным к нашему разговору, словно и не слышал, о чем мы говорим. Нет, он знает, что Вуду — это не плод воображения, и не фантазия, и не самогипноз. Что бы Лихо ни говорила, духи умерших — это духи умерших. В них есть сила. Но наверное, Хенаро считает, что пусть лучше Лихо думает именно таким образом. Он не собирался ее переубеждать.

— А зомби? — я посмотрел на мать.

— Зомби... — Лихо провела рукой по лицу. — Это тоже своего рода — страх. Если человек верит, что над ним одержали верх, что он себе не принадлежит, он превращается в зомби. В сущности, если человек не верит в себя, не чувствует себя, разве можно его назвать — человеком? Он — зомби. Таких много. Для этого и Вуду не требуется...

— Не живет «своим умом»... — задумчиво произнес я и краем глаза заметил, что Хенаро снова смотрит на меня, но по-другому — в его глазах была слабая, малая надежда, что я одумаюсь, остановлюсь.

Но я не собирался останавливаться. Нет. На самом деле я просто так и не мог понять этой загадочной для меня фразы. Что это значит: «жить своим умом»?

Ведь что такое «свой ум», если разобраться? Всякая информация, которая содержится в нашей голове, приходит к нам из внешнего мира. Абсолютно вся. Все, что мы знаем, умеем, все наши ценности, истины, которые мы исповедуем, — все это так или иначе досталось нам от других людей.

Да что далеко ходить? Каждое слово, а любая мысль состоит именно из слов, из понятий, — это приобретенное знание. Мы не выдумываем собственных слов. Все они взяты нами от других людей. Мы перенимаем их вместе с тем смыслом, который они несут, который в них еще до нас вкладывали другие люди.

Так возможно ли жить «своим умом»? Не является ли это стремление какой-то утопией? И вообще — почему я должен верить это безумной старухе?..

— Да, мама, наверное, ты права, — я сказал это, но с единственной целью — успокоить ее. Лихо и так порядком натерпелась за последнее время.

— Тебе надо отдохнуть. Я думаю, мы с дедом тебя оставим, — Лихо склонилась надо мной и поцеловала в лоб. — Эти раны... Они заживут. Они не глубокие. По-другому было нельзя. Я надеюсь, что ты поймешь и простишь.

— Не волнуйся, мама, — сказал я и улыбнулся. — Я все понимаю. Вы все сделали правильно. Все нормально...

Лихо погладила меня по щеке, улыбнулась, встала, помогла деду подняться, и они вдвоем вышли из комнаты.

Уже смеркалось. Я лежал на своем топчане, пытаюсь привести мысли в порядок.

Может быть, это стыдно, но я ненавидел своего отца, ненавидел и презирал. Холодно, рассудочно, бесчувственно. Мне было плевать, что он меня продал. Да, сейчас я на глазах превращаюсь в зомби. Дед меня уже почти похоронил... Но я ненавидел Поля не из-за этого. Я ненавидел его за то, что он не совершил того, что должен был совершить.

Да, я презирал в нем проигравшего человека, неудачника. Я однозначно решил для себя, что должен его спасти. Но с другой стороны, именно за это я и ненавидел Поля. Отец — это тот, кто должен защищать. А сейчас получалось наоборот. Полю смалодушничал, проявил слабость, был глуп. И теперь я должен стать убийцей, чтобы спасти его.

Этот шаман, колдун, Тень... Полю вступил с ним в единоборство. Но даже не понял этого и допустил ошибку. Ему не следовало преклонять колени, торговаться и ждать милостей от своего хозяина. Он должен был получить знание, вырвать его и уйти. О власти не просят, стоя на коленях. Но Полю склонился — и угодил в расставленную ловушку.

Во всем этом было что-то чудовищно неправильное, дикое, ошибочное.

Однажды я слышал историю про святого мудреца. Знатный купец, зная об удивительных способностях этого человека, пришел к нему с просьбой.

«Напиши для моей семьи какое-нибудь доброе пожелание, — сказал он. — Я люблю своих детей, своих внуков. Я хочу, чтобы они были счастливы. Дай нам свой завет...»

Святой взял бумагу, карандаш, и уже через минуту купец получил то, о чем спрашивал. Пожелание было кратким: «Умер дед, умер сын, умер внук».

«Что ты такое написал?! — разгневался проситель. — Разве я желал услышать от тебя проклятья?»

«Ты ничего не понял, — ответил святой. — Все мы умрем. Но проклятием было бы, если бы я написал тебе: "Умер внук, умер сын, умер дед"... А эта последовательность правильная. Если вы уйдете в таком порядке, это будет счастьем».

Я думал об этой истории и понимал, что святой говорил о моем проклятии. Не в прямом смысле, конечно, но по сути — отец передал мне свои долги. Но наследство не должно быть *отрицательным*, завещать долги неправильно.

Наверное, во мне говорит разочарование. Да, я разочаровался, это правда.

Ведь в какой-то момент я было даже поверил, что Полю знает *путь*, что я принесу ему Скрижали — единственное, что ему не хватало, — и мы пойдем вместе с ним по этой дороге, заручимся силой и изменим мир. Но...

Превозмогая боль, я поднялся с топчана. Надо ехать. Я должен спасти его. Он просил меня о помощи, и он получит ее. В конце концов, я обещал. Я должен и не имею права потворствовать своей ненависти, своей горечи, своему разочарованию. Не имею права...

Я не буду таким, как мой отец. Я не такой...

Дверь из моей комнаты вела в коридор, заканчивающийся винтовой лестницей.

Я шел медленно, пытаюсь делать вид, что я вовсе не потенциальный беглец, а благородный дон, разгуливающий в порядке вечернего моциона. Впрочем, наверное, эта мнимая безмятежность не слишком убедительно мне давалась, потому что стражники дворца Тупака Амара все равно смотрели на меня подозрительно. Но, судя по всему, команды держать меня под замком им не поступало.

Поэтому я абсолютно беспрепятственно вышел из дворца, а затем, тоже без каких-либо эксцессов, выбрался и с территории плавучего города ацтеков. Дальше мне предстояло подняться на горный склон, а оттуда уже двигаться в направлении Куаутемока. Там — до океана, и уже от океана, по воде — до Гаити. Более четкого плана пока не было, но и этот вполне меня устраивал.

— Прощаться не будешь? — услышал я и оглянулся.

— Дед...

На горном склоне, там, где меня встретила мать, стоял Хенаро. Как он сюда добрался, он ведь был так слаб?!

— Я надеялся, что ты все же попросаешься, — грустно сказал Хенаро, глядя куда-то вдаль, в сторону Куаутемока.

— Прости, Хенаро, но я думал, ты все понял... Ты же был в моем сне.

— Сейчас главное не то, что понял я, а то, что понял ты, — ответил дед.

— А я что-то понял неправильно? — мне вдруг почему-то стало не по себе. — Что ты имеешь в виду, дед?

Хенаро не стал отвечать сразу. Он словно бы что-то взвешивал, решал, обдумывал и только спустя минуту заговорил:

— Ты ненавидишь Поля за то, что он проявил слабость. Ты всего в двух шагах от того, чтобы возненавидеть и меня. Возненавидеть за то, что ты считаешь слабостью. Но подумай, Анхель, какова истинная причина твоего намерения спасти Поля?

Я рассчитывал, что Хенаро будет меня переубеждать, попросит отказаться от моих планов. Но нет, он не стал этого делать. Он выдвинул против меня обвинение...

— И в чем же она, на твой взгляд? — зло бросил я.

— Ты едешь к Вуду не за тем, чтобы спасти отца, Анхель, — грустно сказал Хенаро. — Признайся себе в этом. Ты едешь туда, потому что хочешь сделать то, что не удалось твоему отцу. Ты хочешь победить его, взять над ним верх. И я боюсь...

Хенаро замолчал, опустил глаза...

— Чего же ты боишься? — сказал я, чувствуя, как у меня дрожат колени.

— Я боюсь, что в какой-то момент эта безумная цель настолько ослепит тебя, что тебе станет все равно, какова эта победа...

— В смысле — «какова эта победа»? — я прищурился. — Что ты имеешь в виду?

— Быть *лучше кого-то* или быть *хуже кого-то* в некоторых ситуациях — это одно и то же.

— В каких это ситуациях, интересно? — усмехнулся я.

— В каких? — переспросил Хенаро и внимательно посмотрел на меня. — Ты не знаешь?

— Нет, не знаю, — честно признался я, вообще не понимая, к чему он клонит.

— В тех ситуациях, когда ты боишься быть *таким же*, — спокойно и с какой-то особенной, пронзительной грустью в глазах сказал Хенаро.

Я замер. В голове вдруг не стало ни одной мысли. Мгновение пустоты. Еще одно, третье... И вот уже ужас и лютая ненависть объяли меня изнутри.

— Глупость, — зло прошептал я, развернулся и, хромя и спотыкаясь, побежал прочь. — Глупость, Хенаро! Это глупость и бред!

— Анхель, нет ничего более обманчивого, чем отказ от цели, — раздалось мне вслед. — Именно в тот момент, когда ты думаешь, что ты от нее отказался, она и берет верх!

— Бред! — орал я.

— Я буду рядом, — прошептал дед.

Не знаю, вправду ли он сказал это, или мне только почудилось. Я уже был слишком далеко от него, чтобы различить шепот. Может быть, я просто хотел это услышать? Нет, не хотел...

Соленый морской воздух. Это именно то, чего мне так долго не доставало. Легкий бриз, бездонное небо над головой, бесконечное пространство вокруг и настоящий соленый морской воздух.

Попасть из Мексики на Гаити — дело совсем нетрудное. Для этого любой желающий фиктивно оформляется в рыболовецкую команду — или на мексиканское судно, намеревающееся зайти на Гаити, или на гаитянское, оказавшееся волею судеб в Мексике.

Этот «туристический» бизнес хорошо налажен на восточном побережье, а конкурирующих «агентств» здесь более чем достаточно. Поэтому, едва я оказался в порту, ко мне тут же подошли и за вполне умеренную плату предложили такой «круиз» до Гаити.

Теперь наконец я почувствовал легкость. Мое тело еще продолжало болеть от ран, у меня по-прежнему не было сна, я все так же чувствовал себя запутавшимся и уставшим, но я ощутил легкость и свободу. Теперь у меня не было никакой цели. Я освободился.

Стоя на корме небольшого рыболовецкого судна, я смотрел вдаль.

Я не буду думать ни о чем. Мне осталось лишь одно дело, мой долг. Я выплачу его и исчезну. Я не буду возвращаться в Россию, не вернусь и в Мексику, я просто исчезну. Как и где? Об этом я решил пока не думать — пусть это будет тайной даже от меня самого.

Мне чудилось, что самое страшное в моей жизни уже позади. Я был счастлив, пройдя через ад «грибного» сна, мне все стало безразлично. Лишь временами на меня нападали тревожные мысли. Бессвязные обрывки воспоминаний...

То мне ни с того ни с сего становилось неловко из-за того, что я разбил глиняный горшок в доме Риго. И я начинал переживать, думать, как бы мне загладить свою вину перед ним. То вдруг виделись глаза Андрея. И я пытался скорее избавиться от этого почему-то ужасно тягостного для меня воспоминания. Спрятаться от него как черт от ладана.

Потом я начинал думать о своей матери. О том, как я обнимал Лихо, не чувствуя привязанности и лишь играя сыновью любовь. Но этот обман почему-то совершенно меня не расстраивал. Было даже как-то весело.

Еще я вспоминал старуху — как она остановила машину. И тогда в памяти всплывали бессонные ночи, проведенные в бесконечных разговорах с отцом. Я разговаривал с ним через браслет, но не думал, что это странно или как-то неправильно.

Я собирался изменить мир, мне все было ясно...

«Бог видит тебя, Бог слышит тебя, Бог знает, что ты делаешь» — вдруг как гром среди ясного неба прозвучало в моей голове.

Откуда я помню эту фразу? Откуда?..

И тут в считанные секунды небо потемнело, его заволкли тяжелые черные тучи. Заморосил; мелкий дождь. Море, до того спокойное, чистое, пошло нервной рябью, словно предупреждая нас о грозящей беде.

— Штормовое предупреждение! — надрывно закричал капитан с верхней палубы. — Всем занять свои места! Остальным — укрыться на нижней палубе! Живее! Это буря! Черт бы вас побрал, живее! Откуда такой шторм? Черт! Живее! Живее!

«Потерял человек свой ум, зачем ему душа? — глубокомысленно изрекла в моей голове старуха. — Душа ему и так не принадлежит. А если он свой ум потерял, как же ему душу его доверить? Все. Прощайся. Хочешь сохранить душу — сохрани свой ум. А не хочешь — жри, что тебе рассказывают, верь — "по-моему", "по-твоему", "по-нашему", "по-вашему" — душа твоя больше тебе не принадлежит. Не смог сохранить — отдай! Я заберу. Сдохнешь ты скоро. Убить кого-нибудь задумал?»

«Сдохнешь ты скоро. Убить кого-нибудь задумал?» — две эти фразы, сказанные старухой в разное время, странным образом сошлись в моей голове и оказались рядом. Одно с другим. Она говорила о двух разных смертях — моей и чьей-то еще? Или...

Я перестал что-либо понимать. Мне казалось: еще секунда, еще одно мгновение — и моя голова лопнет как переспевший арбуз. Только что мне было так хорошо! Так свободно... Я понимал все. Точнее, разочаровался в возможности понять что-либо и успокоился. Оставил позади. Но это мое проклятие вновь вернулось. Зачем?! За что?!

*Море потемнело, словно кто-то
огромной рукой пролил в него галлоны чернил.
В один момент прямо на глазах оно вздыбилось
и закипело от штормового ветра.
Налетевший ураган завыл,
будто схваченный за глотку, —
надрывно, безумно, отчаянно.
Странное чувство подходящей
вплотную к тебе смерти —
дико, но почему-то не страшно.*

Несчастное рыболовецкое судно мотало из стороны в сторону — туда-сюда, как щепку в горной реке. Казалось, штурман специально ловит каждую волну, чтобы она со всей своей силой ударила о борт этой ветхой посуды. И — не одна, так другая — перевернула корабль.

«Если у тебя есть цель, ты не должен бояться жертвы, — монотонно, каким-то почти нечеловеческим голосом сказал во мне Поль. — Если у тебя есть цель, нужно быть готовым заплатить самую высокую цену. Ты требуешь у меня самое дорогое... Что ж, если у тебя есть то, о чем я прошу тебя, бери у меня все, что пожелаешь. Бери без разговоров. И закончим на этом...»

Небо, пухнувшее от грозových разрядов, обрушивалось вниз потоками воды. На палубу, что ходила ходуном, будто ее закрепили на роликовых коньках, одна за другой, словно языки морского чудовища, закатывались огромные волны. Океан приготовился проглотить жалкое суденышко, решившееся заглянуть в его глотку.

Один из моряков увидел меня с трудом удерживающимся на ногах на опустевшей корме.

— Эй! Что ты там стоишь?! Сюда! — я едва различал этот голос, теряющийся в шуме воды и оглушающих раскатах грома.

Завороженный увиденным, я, промокший насквозь, продолжал стоять на том же месте, обдуваемый диким промозглым ветром. Я держался за металлическую трубу, приваренную к палубе для закрепления рыболовецких сетей, и не отрываясь наблюдал за безумствующей стихией.

— Черт бы тебя побрал! — раздалось совсем рядом, прямо у меня над ухом. — Ты с ума сошел?!

Этот человек скатился ко мне по скользкой палубе, обвязавшись веревкой, закрепленной за один из выступов корабельной надстройки.

— Хочешь, чтобы тебя смыло ко всем чертям?! — орал он. — На обед акулам собрался?! Держи конец!..

Я отрицательно покачал головой.

— Давай!!! — зло кричал он, тыча в меня веревкой. — Затянься! Давай!!!

Я снова отрицательно покачал головой.

— Псих! — раздраженно отрезал волонтер-спаситель. — Ну, как знаешь... Хочешь — оставайся!

Он быстрыми движениями привязал меня к металлической трубе, затянул веревку несколькими узлами. И ловко забрался по образовавшемуся канату вверх, к надстройке корабля. Мелькнул свет открывшегося на мгновение люка, и матрос скрылся внутри судна.

Грозовые разряды в очередной раз разорвали небо.

«Ты так и не остановился... — заговорила во мне Лихо. — Цель поглотила тебя... Жертву ты принес сам... Когда тебе кажется, что ты знаешь — "как", руки начинают гореть. Человек слепнет, когда думает, что цель близка. Слепнет. Но это мираж. Мираж... Чем, тебе кажется, ты ближе подошел к своей цели, тем на самом деле она дальше от тебя. Это так, Анхель...»

Корабль вертело вокруг оси, словно он не многотонная шхуна, а флюгер на городской ратуше. Раздался страшный хруст натянутых переборок.

«Ты хочешь изменить мир? Сотворить чудо? — зло прошептала Тень. — Но знаешь ли ты, что не так сложно завладеть силой, как удержать ее?.. У тебя ничего нет для этого, кроме твоего желания, а этого мало. Они идут лишь туда, где есть недостаток... Но когда я дам тебе эту силу, этот недостаток исчезнет и твои желания переменятся. Говорю тебе, одного желания — мало!»

Гигантская волна шла на правый борт. Я сначала даже не понял, что это волна. Казалось, что корабль просто в очередной раз накренился, приблизив меня к поверхности океана. Но нет, это не корабль заваливался на бок, это огромная волна подняла его на десять, а то и пятнадцать метров вверх, пронесла над водой и с чудовищным грохотом, словно собака, наигравшаяся с мышью, бросила вниз.

«Бог видит тебя, Бог слышит тебя, Бог знает, что ты делаешь?»

— Откуда я помню эту фразу?! Откуда?! — закричал я, глядя, как разверзнувшиеся небеса на моих глазах сменяются разверзнувшейся пучиной моря. — Откуда я ее помню?!

«Тебе кажется, ты все понял? — спросил голос, когда корабль перевернулся и пошел ко дну. — Если бы ты был таким, каким хочешь быть, ты бы не спрашивал чужого мнения... Твой ответ говорит о том, что тебя — двое... Можно ли прийти туда путем, который создан мыслью? Видишь, я всегда здесь...»

— Замолчи! — заорал я, захлебываясь соленой водой. — Замолчи!

Меня почему-то не качало, только мутило изнутри. Резкий позыв рвоты, и я исторг из себя зловонную воду — едкую соленую воду, перемешанную с частицами желчи.

Я открыл глаза и увидел небо — высокое, прозрачно-голубое, безоблачное.

Было странно чувствовать под собой твердую почву. Где я?.. Песок. Желтый мокрый песок. С трудом отыскав в себе силы, я приподнялся на локтях. Земля. Не может быть... Земля! Я выжил.

— Ну что ты развалился, дурак? — где-то невдалеке раздался знакомый старушечий голос.

— Ты?.. — я не поверил своим глазам. Старуха! Та самая, которую я встретил на автобусной остановке. Та самая, которая была в моем сне. Она здесь?! Не может быть... Но где я нахожусь? Что это за земля?

— Нет, не я, — зло передразнила меня старуха. — А кем я еще могу быть?! Конечно, я. Вот почему ты такой безмозглый?! Несчастье на мою голову!

— Где я? — прошептал я, вытирая песок с губ и оглядываясь по сторонам.

Уходящий за горизонт дикий пляж. Метрах в пятидесяти — линия леса: пальмы, лианы, зеленые тропики.

— На том свете! — буркнула старуха. — Где еще ты можешь быть?! Все покойники на том свете!

Я посмотрел на нее... и заплакал. Нет, не потому, что я ей поверил. Нет, наоборот. Потому что это было неправдой. Я не умер. Я почему-то опять не умер...

— Сделаешь свое дело — и помрешь, — деловито сказала старуха, словно прочитав мои мысли. — Дело решенное. Хватит ныть! Вставай! Развалился тут...

— У меня нет никакого дела, — я отрицательно покачал головой, отчего мокрые, спутавшиеся, в песке и какой-то тине волосы упали мне на лицо.

Я ощущал абсолютную внутреннюю опустошенность. Абсолютную. Словно меня выела изнутри стая голодных термитов.

— Нету у него дела! — в негодовании воскликнула старуха. — Это надо же! Нету у него дела! Вы посмотрите, люди добрые, нету! А что ты тут делаешь, если нету у тебя дела?! Ты

сам-то подумай, что за ерунду говоришь! Вот дурак! Не ожидала я даже, что такой дурак будет! Ужас! Я старая женщина... За что мне все это?!

— Уйди, — прошептал я, ложась на песок, у меня не было сил, чтобы даже просто слушать ее. — Просто уйди.

— Уйти?! Мне мертвец нужен! — взвизгнула старуха. — Понял?! Так что давай вставай! Хватит себя жалеть! Что за мужики пошли?! Смерть!

Я вдруг засмеялся — тихо, беззвучно, легкой судорогой диафрагмы. Она смешная — моя смерть. Очень смешная...

— Что ты ржешь?! — продолжала орать старуха. — Умом тронулся?! А ну вставай! Вставай — тебе говорят!

— Ты так забавно это сказала: «Что за мужики пошли?! Смерть!» — прошептал я и через секунду добавил: — Оставь меня, ладно? Уйди...

— Ну уж нет! Мы так не договаривались! Ты все это затеял, ты и расхлебывай! Нечего тут... Взбаламутил, понимаешь, а потом — на тебе, в кусты! Нет уж, вставай и делай!

— Что я затеял? — я скосил глаза, чтобы увидеть эту сумасшедшую.

Мне было не то что странно или непонятно, мне было обидно! Ведь я ничего не затевал. Ничего! Почему она не отстанет от меня?

— Да все! — в абсолютной уверенности ответила она. — Все ты и затеял!

— Да что — все?! Что я затеял?! — прокричал я, снова привставая на локтях.

— Да все! Все ты затеял! — передразнила меня старуха. — Или это не ты мучился своими духовными кризисами, носился с ними по пустыне как с писаной торбой?! Не ты смысл жизнь искал, жить не хотел, как нормальные люди живут?! Не ты, скажешь?! А в Россию не ты поехал, спаситель человечества?! Не ты Скрижали искал?! Не ты?! Ну и хватит, значит, дурака валять, вставай!

— Откуда ты знаешь про Скрижали? — мне вдруг стало как-то неловко и дурно. — Кто тебе сказал?

— Ты же не своим умом живешь, дурак! Поэтому и известно! — прокричала старуха и театрально вскинула руки, словно собиралась пожаловаться небесам за то, что они выдали ей на руки такого форменного придурка. — Вот ну не дурак?! Ну не дурак он после этого?!

— Прекрати, — прорычал я, измученный ее ехидством, глупым кокетством, театральными фразами и жестами. — Откуда ты знаешь про Скрижали? Отвечай!

— Господи! — так же наигранно взмолилась старуха, но потом вдруг опустила передо мной на корточки и затараторила с какой-то совершенно особенной обстоятельностью и серьезностью, методично загибая пальцы: — Тебе этот мир не нравился? Не нравился. Ты решил его изменить? Решил. Знания тебе нужны были?.. Нужны. Ты пошел искать. Пошел. Искал и нашел. Так? Так. Но понял, что знаний мало, нужна и сила еще. Так дело было? Так. Узнал, что отец такой же авантюрист был, как ты, и тоже силу искал, мир собирался переменить. Все правильно, ничего не путаю? Ничего не путаю. И вот мы теперь здесь, где твой отец жизнь заложил — и свою, и твою — ради этой силы. Понятно излагаю? Понятно. А теперь спроси меня, что ты делаешь сейчас, лежа на этом песке?

Я пережил настоящий шок. Откуда ей все это известно? Откуда?!

— И что я делаю?..

— Валяешь дурака! — заорала на меня старуха, вскочив на ноги. — Он ничего не затевал, оказывается! Это надо же! Ничего не затевал! Боже мой... Да за-те-вал же!!! Слышишь меня?! Затевал! А сейчас струсил! В штаны наложил от страха. Всего боишься — и что есть у тебя цель, и что нету у тебя цели, и что убьешь ты кого-то, и что сам убьешься. Всего боишься! И отца боишься вызволить, потому как непонятно, чем это обернется. И боишься не вызволить, чтобы самому себе подлецом не казаться.

— Замолчи!

— Всем угодить, всего добиться и не вымараться! Вот твой план! А такого не бывает! Понял меня?! Не бывает! С роду не бывало — и не будет никогда! Взлся — так делай! Нечего обратный ход давать. Да и нет у тебя обратного хода! Нету! Вот допустим, брошу я тебя сейчас, как ты просишь, чем, думаешь, дело кончится?

— Чем кончится? — прошептал я.

— Да все тем же!!! — заорала старуха. — Не остановишься ты! Не остановишься! Но только я знаю, где того колдуна искать, что тебе нужен, а ты — нет! Поэтому со мной ты его найдешь, а сам по себе — всю жизнь искать будешь. Вот и вся разница! Так что решай — или ты встаешь сейчас, немедленно, или оставайся лежать и потом сам выкручивайся как знаешь!

Я смотрел на нее и не мог понять — как же мне поступить, что делать?

— Я остановлюсь, — неуверенно сказал я. — Я остановлюсь. Я смогу.

— Ты дурак совсем или прикидываешься?! — взвыла старуха. — У тебя же знание есть, а оно — бремя! Как ты не поймешь этого никак?! От цели ты хочешь отказаться... Вранье это. Как ты можешь отказаться от цели, если у тебя знания есть?! Скрижали твои чертовы! Ты сам-то подумай! Раскинь мозгами!

Мне стало дурно и страшно. Она права... Злая, жестокая правда. Я не остановлюсь. Не смогу.

— И к колдуну ты идешь не за тем, чтобы отца своего спасти, — продолжала старуха. — Не за тем! Хватит врать! Оправдания все это. Одни оправдания. Ты к колдуну идешь, чтобы силу у него забрать и чудо совершить. Но убить тебе его просто так совестно, вот ты и обманываешь себя, говоришь, что убьешь его ради спасения своего папаши безмозглого! А я тебе говорю: хватит врать! Не можешь избавиться от цели — признай, что она у тебя есть. Идешь за силой — так и иди за силой, а не говори, что отцу на выручку собрался! Понятно?!

Все. У меня больше нет сил сопротивляться. Все. Сколько я ни увиливал, сколько ни пытался скрыться от правды, она настигла меня. От правды не уйти. Можно врать самому себе, но какой смысл?

Я заплакал. От горя, от безысходности. Знание — бремя. Если ты знаешь, ты уже себе не принадлежишь. Лучше не знать. Но если узнал... Дальше — только нести. И лучше сразу, по прямой, не петляя — к цели.

Но за что мне все это?! За что?! За что?!!

— Вставай! — строго скомандовала старуха. — Времени совсем нет. Все вышло. Ты уже пятнадцатые сутки не спишь. Сдохнешь скоро! Совсем скоро. Как до сих пор жизнь в тебе теплится, не знаю. Все от страсти твоей, от цели...

*Галлюцинации не оставляют меня.
В голове — хор голосов.
Я стараюсь их не слушать.
Каждый на свой лад рассказывает мне
о жизни, о смерти, о моей роли и миссии,
о том, что было и что будет.
Но я наконец понял,
что это только галлюцинации.
Нормальное состояние для того,
кто не спал уже добрых полмесяца.
А я не спал, не мог заснуть и не засну.
Не засну до тех пор, пока не закончу
то дело, которое начал.*

Старуха ведет меня по - лесам, по горам, ущельям и долинам. Где-то там, в зарослях джунглей, живет тот колдун Вуду, который лишил моего отца жизни. Он где-то там, далеко. Но мы дойдем туда. Обязательно дойдем. И я убью его. Это стыдно. Убивать нельзя, нехорошо, но я убью. Если у него есть сила, которая мне нужна, я убью его. Я должен довести это дело до конца. В противном случае не стоило и начинать.

Да, я сам заварил эту кашу. Мне не доставало той жизни, которая у меня была. Мне хотелось большего. Я хотел знания, хотел соприкоснуться с истиной, я хотел изменить этот мир, потому что в нем мне плохо. Я не чувствую себя счастливым в мире, где все неправильно, где люди разобщены, где всем и каждому наплевать на себя, на других, на истину. Что делать, коли это так? Это правда. Мир Богу не удался.

Конечно, можно, как мои друзья, верить в то, что все когда-нибудь изменится: люди осознают, что живут неправильно, потянутся к знанию, объединятся, захотят измениться... Можно в это верить. Но только время не ждет. Часы тикают все быстрее и быстрее. Цивилизация превращается в стойло, люди — в жвачных животных, которые только и умеют, что потреблять. Света не становится больше. Его становится меньше.

Это мой последний бой, моя последняя схватка. Не на жизнь, а на смерть. Я потратил массу сил, чтобы изменить этот мир. Я старался. Но все напрасно, ведь это были мои внутренние усилия, и они ни к чему не привели — и не могли привести. Даже перед лицом катастрофы люди не готовы к объединению. Они гордятся своей индивидуальностью, не понимая, что настало время, когда их индивидуальность — яд, а не лекарство.

Гордая, непокорная индивидуальность оказалась фикцией! «По-вашему», «по-нашему», «по-твоему», «по-моему»... Что такое это наше «субъективное мнение»? Искусно присвоенное чужое мнение. Никто не живет своим умом, все повторяют одни и те же заученные фразы, но в разных вариациях и под разным соусом, искренне считая, что это «их» мнение. Забавно. Было бы забавно, если бы не было так грустно и так фатально.

— Долго еще? — спросил я у старухи, когда мы присели, чтобы передохнуть.

— Самую малость... — соврала она.

— Понятно, — протянул я, осматривая свои раны, открывшиеся от влажности и страшного физического напряжения. — Дойду ли?..

— Дойдешь, куда не денешься, — фыркнула старуха. — Не ной!

Я посмотрел на нее и улыбнулся:

— А я, знаешь, когда увидел тебя в первый раз, подумал, что ты моя смерть. А ты, оказывается...

— Смерть и есть, — оборвала меня старуха. Она сказала это безразличным тоном, без своего обычного ехидства или подтрунивания.

— Что?.. — комок застрял у меня в горле.

— Смерть и есть, — повторила она. — А у нас что, вечер откровений?

— Ты смеешься... — понял я, и на мгновение мне стало легче. — Смеешься ведь?

— Да, я смеюсь, — ответила старуха. — Я смеюсь. И я твоя смерть. Что-то еще?

— Нет...

— Не «нет», а «да». А ты что, не знал, что твоя смерть всегда рядом? — старуха была искренне удивлена. — Она всегда рядом. С каждым. Это же так просто... Неужели ты не знал этого?

— Ты моя смерть? — прошептал я, чувствуя, как мурашки бегут по моей спине.

— Что ты так испугался? — пожал плечами старуха. — Ты же с самого начала это знал. Разве не так? Просто врал себе, и все. Но знал же...

— Знал, — кивнул я.

— Вот я и говорю тебе, ты не своим умом думаешь, не своим! И что выходит?.. То и выходит...

— И когда ты меня заберешь?

— Тебе решать, — бросила старуха, встала и пошла. — Не отставай... Нет времени. Совсем нет.

Солнце подобралось к линии горизонта и окрасило небо в яркий, резкий, ранящий красно-оранжевый свет. Мы были в пути более суток. Я не чувствовал ни своего тела, ни себя самого. Я плелся на последнем издыхании, понимая, что встреча с колдуном Вуду — мой последний шанс. Сегодня все решится: или — он, или — я.

Я иду убить — или быть убитым. Впрочем, моя жизнь и так уже принадлежит этому человеку, этой Тени. У меня никогда и не было моей, *своей* жизни. Я всегда жил чьей-то, «не своим умом». И даже сейчас... То же самое. Мой отец нашел силу, я несу ему украденные мною Скрижали. У меня нет ничего своего. Да, я не живу. Я только повторяю...

Но что значит — выполнять миссию? Это значит — выполнять нечто, что не было твоим изначально, делать что-то, что было «спущено» тебе «сверху». Но что тогда такое — *твоя*

жизнь, если даже твоя высшая миссия — и то лишь некое задание, которое не является подлинно твоим, внутренним, личным. Что такое — *твоя* жизнь?!

Можно ли умереть, если ты не жил вовсе? И может быть, страх смерти, страх, против которого мы столько боролись, и заключается в этом — страшно умирать, если ты и не жил, если тебя и не было?

Все потеряло смысл. Все стало каким-то ущербным, пустым и никчемным. Я просто заведенная машина. И даже если я верю в то, что я делаю, это ничего не меняет. Я лишь выполняю чью-то волю...

Так есть ли у меня цель? Да, есть. Я хочу покончить со всем этим. Я или умру, или изменю этот мир. Или то, или другое. Но разве это *моя* цель? Умертвить себя — разве это может быть моей целью? А желание изменить мир? Разве у моего отца была другая цель? А еще у сотен тысяч других людей?..

Так, может быть, мне стоит остановиться? Но если я остановлюсь, разве это будет *моей* остановкой? И когда я движусь, и когда я стою на месте, я или *двигаюсь*, или *остановлен*. А меня самого нет!

Так кто же — я?.. Кто?!

Слезы полились у меня из глаз. Я — никто. Я никогда не жил *своим умом*. Я никогда не жил. Я — пустое место. Кто-то когда-то кому-то отдал мою жизнь. Но страшно не это, страшно, что это в принципе возможно.

А если возможно, то разве у нас есть *наша* жизнь?

Это какой-то абсолютный тупик — нас произвели на свет, и нас уберут с этого света, когда посчитают нужным. Полное отсутствие какой-либо свободы! Полное!

Огромные двухметровые деревянные фигуры, вкопанные в землю. Целый лес из покосившихся идолов. Круглая площадка вокруг кострища, абсолютно вытопанная во время ритуальных танцев земля. Страшное, запущенное, голое место далеко в горах — только темно-красная почва, и ни одного растения, деревца или цветка.

— Все, пришли, — сухо сказала старуха, показывая мне на хижину, находящуюся на почтительном от нас расстоянии. — Он там. Дальше ты иди один.

— Почему один? Ты меня оставишь?

Я еле держался на ногах. В глазах двоилось. Я смотрел на это кладбище идолов и понимал — это конец. Мой конец. Начала не было, но конец — вот он, здесь.

— Мне туда нельзя, — сказала старуха и села на землю. — Один иди.

— Что ж это за место такое, что даже Смерти туда путь заказан? — я смотрел на хижину, чувствуя, что ноги мне отказывают, что сердце мое уже не бьется, а лишь имитирует свой ход — бум-бум-бум.

Я вдруг почувствовал, что во мне столько отчаяния, что раздели я его сейчас со всеми людьми — и в этом мире уже никогда не будет улыбок, не прозвучит радостного смеха, никогда и никто не произнесет слово «счастье».

— Вот — на, возьми, — старуха развязала свой узелок и достала оттуда странный предмет.

Нож.

— Что это?..

— Это ритуальный нож Вуду, — ответила старуха.

— Ритуальный нож? — не понял я.

— А ты забыл, зачем шел? — прошипела она. — Или ты собрался голыми руками его убить?

— Убить... — прошептал я.

Только сейчас я наконец понял, что все происходящее со мной не сон и не забытье. Все по-настоящему. Я иду к шаману Вуду, чтобы убить его. Убить.

Дрожащими руками я взял нож из рук старухи, присмотрелся к нему — металлическое лезвие, деревянная рукоять со множеством странных, непонятных рисунков.

— Все. Иди, — деловито сказала старуха. — Папаше привет передавай.

Я шел к хижине шамана, едва переставляя ноги. Мне казалось, что они утопают в земле, вязнут. И только когда я смотрел на них, удавалось сделать следующий шаг. Но стоило мне отвести от них взгляд, посмотреть вперед, прямо перед собой, тут же возникало чувство, что я по колено в земле и падаю.

Замерев на пороге, я не хотел идти дальше. Я не мог вступить в эту темноту, в этот ад.

Я повернулся. Позади, в просвете между идолами, едва различимая на таком расстоянии, виднелась моя Смерть. Старуха стояла и смотрела мне в спину.

Убей или умри.

— Я умру, — прошептал я, зная, что, хотя старуха и не услышит мой голос, она узнает о моем решении.

Я отдернул тряпичное полотнище, скрывавшее вход в хижину, и ступил в темноту.

В центральной части, прямо на полу, были расставлены какие-то странные предметы — ритуальные жезлы, черепа, подсвечники, столики с баночками и мензурками, тут и там лежали тушки убитых животных.

У меня возникло странное чувство. Казалось, хозяин только что был здесь, но вот что-то случилось, и он, не успев привести свое жилище в порядок, бежал прочь. И вместе с тем я ощущал здесь присутствие другого человека.

Он был здесь. Мой враг.

— Зачем ты прячешься?.. — прошептал я. — Я не буду тебя убивать. Я пришел за своей смертью, а не за твоей.

— Ты уверен, что хочешь этого? — из глубины хижины раздался странный гортанный голос.

Я рассмеялся. Слезы катились у меня из глаз, но я смеялся. Глупо и странно. Нет, даже не странно, а просто глупо.

— Зачем ты меня спрашиваешь? — прохрипел я сквозь свой беззвучный смех. — Делай!

— А зачем ты меня торопишь? Боишься передумать?

Меня объял ужас.

«Боишься передумать?.. Боишься передумать?.. Боишься передумать?..»

— Не спрашивай меня ни о чем, — попросил я. — Не спрашивай. Я раздавлен. Меня нет. Так что не спрашивай. Я просто хочу сделать хоть что-то *свое*. Хоть что-то... Я прошу о смерти.

— И ты не выручишь своего отца? — удивился голос.

Я вздрогнул.

— Это бред! — выкрикнул я. — Прошлое! Он давно умер. Все кончено!

Я с силой дернул браслет. Металлические скобы жалобно взвизгнули, и драгоценные камни покатались по полу.

— И тебе больше не нужна *сила*? — с еще большим наигранным удивлением спросил голос. — Ты больше не хочешь изменить этот мир?..

— Нет! — закричал я.

— Откажешься от *чуда*? — в голосе моего собеседника вдруг прозвучало сомнение и даже испуг.

— Не хочу! Делай!

Злость, поднимавшаяся у меня изнутри, пошла вверх — от живота к самому горлу, и ударила в виски, пытаясь вырваться наружу. Я сделал шаг, другой. Вперед, по направлению к голосу. Рукоять ножа впиалась мне в ладонь.

— И ты вот так отпустишь Скрижали?.. — не веря в происходящее, забормотал голос. — Отступишься от всего, что ты делал? Предашь Истину? Скрижали... — Он начал меня уговаривать, словно молил о пощаде: — Подумай! Источник Света! Ты не можешь...

— Я могу. Могу... — прошипел я, переполняясь отчаянием и гневом. — Я могу! Я готов! Все кончено! Сделай это!

Я шел на голос и вот уже видел перед собой силуэт. Громоздкое создание в черном просторном балахоне или плаще маячило передо мной. Он — этот страшный шаман — был передо мной. Убийца моего отца. Мой убийца.

Я прошел весь путь до конца. Я дошел. И вот он — тот, кому от самого моего рождения принадлежит моя жизнь. Тот, кто посчитал себя вправе потребовать себе мою жизнь. Вот он, передо мной, в этом черном одеянии.

— Сделай это!!! — заорал я и схватил его за полы плаща. — Сделай!

Что было сил я дернул одеяние шамана. Покрывало слетело...

— Нет, сделай сам... — удовлетворенно, спокойно ответил голос.

Я стоял перед огромным, во весь рост зеркалом и смотрел на свое собственное отражение.

Высокая фигура ссутулившегося человека с занесенным для удара ножом.

— Сделай... — повторил он. — Позволь своей цели уничтожить тебя.

Я стоял перед своим отражением.

«Убить кого-нибудь задумал?.. Сдохнешь ты скоро...» — сказала моя Смерть.

Слезы покатались из глаз.

Сейчас все закончится.

Убить шамана...

Человек в зеркале вздрогнул. Нож в его напряженной руке медленно пошел вниз. Острие блеснуло у самой груди.

«Тебя — двое», — повторил Источника Света из моего сна.

Колющая боль жадным пламенем лизнула область сердца.

Передо мной — тот самый шаман. Тот, кому от рождения принадлежит моя жизнь. Его жизнь.

«Что значит: мысль там, куда ты идешь?» — прошептал во мне Источник Света.

Мне одному принадлежит моя жизнь. Да! Я понял это! Мне одному... Я понял это не логикой, не умом, не мыслью. Я понял это внутри...

Смерть не имеет никакого отношения к жизни. Это другая реальность. Да! И мне принадлежит моя жизнь, а не смерть. Мне одному! И этого довольно! Довольно!

Моя жизнь!

«Я всегда здесь...» — повторил Источник Света.

Я улыбнулся.

Ноги подкосились, словно кто-то резким движением дернул меня за щиколотки.

Человек в зеркале упал на пол.

— Сюда! — услышал я сквозь опускающуюся на меня пелену смерти.

— Данила, ты?.. — прошептал я, не веря своему счастью.

— Нашел?! — послышался тревожный голос Андрея. — Господи, нашли! Нашли! Слава богу!

— Андрей?.. — я чуть повернул голову. Данила, а вслед за ним и Андрей, переступив порог моей хижины, ворвались внутрь.

— Успели! — чуть не плача прошептал Данила, прижимая к груди мою голову. — Анхель! Анхель, господи! Успели! Успели...

Эпилог

Ты нужен — таков смысл шестой Скрижали. Но нужен не зачем-то, а сам по себе. Необходимо понять этот странный, загадочный, необъяснимый факт — необходимости себя. Даже не понять, а принять — просто, безапелляционно, естественно.

Именно в этом и заключалась тайна шестой Печати — не искать абстрактный смысл жизни, не самоуничтожаться на пути к достижению «великой» цели, а просто жить. Хранить сокровище своей жизни и преумножать его своей радостью.

Боль и отчаяние — вот чувства, которые испытываешь, отправляясь на поиски иллюзорной мечты. На этом пути ты живешь не своим умом, а своей целью. Но что такое твоя цель, если *ты сам* несчастен? Что она — если ты и не живешь вовсе?

Когда ты болен целью, болен этой страстью, ты — *болен* и жаждешь излечения. Но что есть излечение, если не уничтожение боли? А всякое уничтожение — это не достижение, не обретение, не счастье. Это отрицание. Потеря.

Свобода — это не отсутствие ограничений. Свобода — это мужество быть и радость от бытия. И именно в этом состоит смысл шестой Скрижали, открывшийся нам лишь теперь, когда шестая Печать снята и более не тяготеет над нами.

Об этом говорили мои друзья — Данила и Андрей. Те, кто, обнаружив мою пропажу, бросили все и, не думая ни о риске, ни об опасностях, последовали за оказавшимся в беде другом. Ни обиды, ни сожаления, ни тени осуждения. Помощь. Забота.

Они говорили — весело, оживленно, радостно. А я смотрел в окно самолета, готовящегося взять курс на Россию. Больше двух недель с того дня мы провели сначала на Гаити, потом в Мексике. Мне сделали операцию. Залатали раны. Я снова живу.

Точнее — не снова. Впервые.

Мои друзья говорят, шутят, а я смотрю в окно. Там, на взлетном поле, суетятся люди — обслуживающий персонал, техники, перевозчики грузов, летчики. И никто из них не замечает старой седой женщины в прохудившемся пончо.

Она уселась прямо на взлетно-посадочной полосе, развязала свой узелок и как ни в чем не бывало перебирает драгоценные камни, некогда украшавшие один фамильный браслет. Я смотрю на нее, и мне спокойно. Я возвращаюсь в Россию.

Осталось последнее испытание.